

М. Лютый

Истоки державности.
Язва христианства

Книга 2

16+

М. ЛЮТЫЙ

**Истоки державности.
Книга 2. Язва христианства**

«Автор»

2021

М. Лютый

Истоки державности. Книга 2. Язва христианства / М. Лютый —
«Автор», 2021

Начало девятого века – раннее средневековье... Ребёнку, оставшемуся сиротой, предстоит стать воином, который отомстит данам – убийцам своего отца, потрясти устои многочисленных королевств будущей Англии, а также способствовать подрыву могущества империи франков. Из-за страха перед ним христианский мир назовёт его «язвой христианства». О молодых годах князя Рюрика, о реальных событиях, происходящих в это время и облачённых в художественный вымысел, рассказывается в этой книге.

© М. Лютый, 2021

© Автор, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

44

М. Лютый

Истоки державности.

Книга 2. Язва христианства

Глава 1

(839 г. от Р.Х.)

Карета, стуча колёсами о булыжную мостовую Ингельгейма, подпрыгивала на ухабах и раскачивалась, и вместе с ней раскачивался внутри кареты архиепископ Меца. При каждом толчке он хватался руками за сиденье и морщился, так как сразу же в его спине возникала стреляющая боль. Поэтому он не любил быстрой езды, и его карета еле тащилась. Архиепископ вообще редко покидал свой Мец, но сейчас был особый случай. Император Людовик Благочестивый встречал посольство императора Византии и для этого собирал всю высшую знать, включая духовную.

Люди по золотым вензелям на дверках узнавали карету архиепископа и, разинув рот от удивления, провожали её взглядом, другие же иступлённо осеняли себя крестным знаменем. Всё это было скрыто от архиепископа занавесками на дверцах, и поэтому он продолжал покачиваться и морщиться от возникающей боли, не видя этого. Вдруг раздался остервенелый крик, и карета остановилась:

– Ваше Высокопреосвященство, Ваше Высокопреосвященство, я осознал, я осознал!

– Пойди прочь! – раздался голос кучера и одновременный хлопок кнута.

– Ваше Высокопреосвященство, я осознал! – продолжал кричать человек, и архиепископ выглянул из кареты.

Уцепившись за вожжи и стараясь увёртываться от ударов кнута, прямо на земле лежал человек в грязном и рваном рубище, смутно напоминающем одежду монаха. Увидев архиепископа, он, прикрывая голову руками от ударов кучера, на коленях пополз к карете:

– Ваше Высокопреосвященство, я осознал! Нет ничего выше и священнее императорской власти, дарованной нам Богом, и покушаться на неё никому не дозволено, ибо это есть великий грех и чревато Божьими карами. Эти кары я уже ощутил на себе. Бог милостив, и через страдания, посланные им, познаёшь истину. Эта истина очищает душу человека и снимает часть грехов, совершённых им.

Архиепископ взмахнул рукой, останавливая кучера, и, перестав защищаться от ударов, человек уже на четвереньках подполз, ухватил за подол архиепископской сутаны и поцеловал её:

– Умоляю – помилуй, Ваше Высокопреосвященство! Осознал я. Голодаю я, подаяния не хватает. Люди от меня, как от чумного шарахаются. Позволь опять принять монашеский сан? Многодневным постом и непрерывными молениями я постараюсь снять с себя этот грех и опять принять милость Божью.

– Постой, постой! Ты кто? – архиепископ никак не мог понять на его взгляд бессвязный лепет убогого.

– Я Эббон, бывший епископ Реймса, – жалостливо, чуть ли не плача, проговорил просящий и опять заголосил, качаясь из стороны в сторону. – Я осознал-ал!..

– Перестань вопить! – сурово приказал архиепископ, и Эббон испуганно замолчал.

– А где же Агобард – бывший епископ Лиона?

– Он подался к Лотарю, и я больше о нём ничего не слышал.

– А ты, значит, остался?

– Я осознал... – пролепетал Эббон еле слышно.

Архиепископ поджал губы, немного подумал и спросил:

– Ты же знаешь латынь?

Вопрос прозвучал скорее утвердительно и риторически, чем вопросительно, и Эббон услужливо и с надеждой кивнул головой.

– Хорошо, я дам тебе шанс. Будешь послушником. Надеюсь, что с этого мгновения ты будешь служить только Богу и действовать только во благо церкви.

За этими обнадеживающими словами скрывался смысл, понятный бывшему епископу: незабвенно служить именно архиепископу Меца. Эббон нетерпеливо заёрзал на коленях:

– Иное исключено.

Архиепископ удовлетворённо кивнул головой:

– Ты будешь у меня переписывать рукописи, а также кормить узников, выносить их нечистоты, приобщать к нашей вере варваров. От твоего усердия будет зависеть дальнейшее твоё положение. Может быть, в дальнейшем получишь какое-нибудь аббатство.

Эббон бросился опять целовать полу сутаны архиепископа, но тот недовольно поморщился и достал несколько золотых монет:

– Перестань, не пресмыкайся! Вот тебе монеты, – он бросил их в пыль около бывшего священника, – приведи себя в порядок и приоденься.

Эббон с жадностью стал хватать монеты вместе с пылью, а архиепископ продолжил:

– Меня найдёшь во дворце императора. Чтобы тебя пропустила стража, возьми это, – он снял с пальца перстень со своим вензелем и, поморщившись, с неудовольствием сунул его в грязную руку бывшего епископа. – Но даже этот перстень тебе не поможет, если останешься в этих лохмотьях.

Из-за этой незапланированной задержки архиепископ опоздал к началу встречи посольства византийского императора и появился там, когда пышная церемония уже заканчивалась. Он не спеша направился к трону императора, и все вельможи почтительно расступались перед ним. Император, наконец-то увидев рядом своего духовника, облегчённо вздохнул, чуть улыбнулся и опять перевёл взгляд на послов: в белых одеяниях епископа Халкидонского и увешенного золотыми цепями спафария Феофана. Архиепископа не заинтересовали ни сами послы, ни их пышно наряженная свита, ни подарки, вручаемые императору. Его удивило наличие в свите послов императора Византии более двух десятков вооружённых воинов. Зачем они здесь? Он повёл головой с намерением кого-либо спросить об этом и вздрогнул от неожиданности – рядом стоял аббат Гунтбальд.

– Ты подкрадываешься беззвучно, как тень, – недовольно произнёс архиепископ. – Как ты оказался здесь?

– Кто осмелится не пропустить меня к духовнику самого императора, к архиепископу города, где находится усыпальница жены самого Карла Великого!

– Я надеюсь, что не пустое любопытство привело тебя сюда.

Аббат жеманно потупился.

– Так что у тебя?..

– Мне стало известно, что сын императора Людовик, обидевшись, что у него отобрали часть земель в пользу младшего сына императора Карла, встречался со своим братом Лотарем и договаривался с ним о совместных действиях против отца.

Архиепископ поморщился:

– Как это всё не ко времени!

– Император потакает Людовику. Видимо он не забыл, кому он был обязан возвращением на трон.

– Не тебе об этом судить! Откуда сведения?

– Мне сообщил об этом бывший епископ Лиона Агобард, который теперь служит Лотарю. С задержкой, но сообщил. Теперь Людовик собирает войско. В силу малочисленности своих владений он начал просить помощи у ободритов.

– Это он сделал большую ошибку.

– Зная взгляды Вашего Высокопреосвященства на отношения со славянами, мне пришлось приложить много усилий, чтобы ободриты отказали ему.

Архиепископ с удивлением с головы до ног оглядел аббата Гунтбальда:

– Ты сделал больше, чем я ожидал от тебя. За твоё усердие тебе больше подходит одежда епископа, чем аббата.

Гунтбальд со скромностью преклонил голову.

– Не время сейчас для очередной склоки, не время, – замотал головой архиепископ. – Не хватает сил для защиты рубежей. Того и гляди, что во Фрисландии опять появится Рюрик. Но где его ожидать? Береговая линия так длинна!

– Осмелюсь заметить, что вряд ли теперь Рюрик появится во Фрисландии. Она разорена: им разрушены города Антверпен, Доорник, Мехелен, разорены все монастыри. Торговый порт Дорестада грабили несколько лет подряд. В прошлом году норманны под предводительством какого-то Гастинга напали на Амбуаз и сожгли его. Не известно приложил ли к этому руку Рюрик или нет? Чего теперь грабить? Всё побережье Саксонии, Фландрии, Нейстрии и Фрисландии разорено. Торговля с Британией сошла на нет. Торговцы отказываются выходить в море, опасаясь норманнов и Рюрика. Даже славянских купцов стало меньше, из-за чего поднялись цены на меха.

– Славяне, славяне, опять славяне... Неугомонный и неуловимый Рюрик... Не удалось его привести к покорности, как этого Харальда Клака. Как его искать и где? Дорого обходится нам противостояние с ним. Как бы избавиться хотя бы от его набегов?!

– Я постараюсь придумать что-нибудь.

Архиепископ согласно кивнул головой:

– Придумай. Какие сведения о Бернаре?

– Маркиз Септиманский после смерти своего брата Госельма от рук Лотаря притих, старается не вмешиваться в склоки сыновей императора. А чего ему вмешиваться? После того, как император наделил, э-э-э... своего сына Карла обширными землями, – архиепископ с подозрением взглянул на аббата, но у того был такой наивный вид, – что крестнику императора больше нечего тревожиться о своём воспитаннике. Правда, Бернар часто и надолго покидает свои владения, доверяя их назначенным им виконтам. Где он бывает – не известно.

– Поменяй своих осведомителей – я должен знать обо всём!

Аббат склонил голову в знак согласия исполнить повеление, а архиепископ переключил внимание опять на послов. После того, как спафарий Феофан, слащаво улыбаясь, закончил передавать предназначенные императору подарки, предварительно показывая их окружающим, к Людовику, важно восседающему на троне, обратился епископ Халкидонский:

– Мой император просил своего брата – императора франков принять участие в судьбе этих людей одного северного народа, – посол повёл рукой в направлении гордо стоящих сзади воинов, – и помочь им вернуться на родину. Много доблестных воинов из разных стран считают честью служить императору Феофилу. Эти люди несколько лет провели при дворе императора и решили вернуться к своим семьям. Это маленькая крупинка тех воинов, что решили покинуть Византию. С учётом того, что им приходилось проходить через земли диких славян и других варваров, их путь в Константинополь был труден и долог. Хотя доблесть этих воинов была не раз доказана в служении моему императору, он бы хотел, чтобы их жизни не подвергались опасности при возвращении на свою родину. Он считает, что отсюда им ближе до дома, чем из Константинополя.

Император с ласковой улыбкой повернулся к воинам:

– Кто вы, из какого вы племени?

Один из воинов с покатыми плечами и мощными руками вышел вперёд и, на взгляд архиепископа Меца, довольно пренебрежительно, а может быть даже наглово начал отвечать:

– Русы мы.

– Вы крещёные?..

Воин отрицательно покачал головой.

– Так где же находятся ваши семьи?

Воин уже внаглую, без всякого почтения к императору ухмыльнулся:

– Наши семьи сейчас в Скандии.

– В Скандии, в Скандии... – задумался император. – Это где-то на севере? Кажется, там живут свеоны? Харальд Клак свеон. Вы его подданные?

– Он не наш конунг, – замотал головой воин.

Архиепископ Меца насторожился: откуда воин знает, что Харальд конунг? Или у них на севере все правители конунги? Тогда почему он понимает язык франков и говорит на нём? С акцентом, но говорит. Он чуть нагнулся к уху императора и тихо произнёс:

– Может это Троянский конь императора Феофила?

Император Людовик благодарно кивнул головой своему сводному брату и, продолжая улыбаться, обратился к послам:

– Хорошо, из любви к императору Феофилу я позабочусь об этих людях, но после того, как выясню о них всё. Если они не замышляют зла против меня, то я постараюсь обеспечить им возвращение на родину. Если они могут представлять угрозу империи, то я с моими послами верну их императору Феофилу, чтобы он сам решал их судьбы.

– Государь, позволь мне помочь выполнить просьбу императора Феофила, – архиепископ повернулся к послам и изобразил на лице доброжелательную улыбку. – Этих доблестных воинов временно поселят в одном из аббатств, их тщательно расспросят с целью определения самых безопасных способов доставки на их родину. Так как правила проживания в кельях аббатства не предусматривают наличия оружия, нашим гостям следует сдать всё вооружение. Аббат Гунтбальд проводит вас.

Архиепископ повернулся к аббату, и доброжелательная улыбка вмиг пропала с его лица:

– Досконально всё разузнай про этих русов: кто они, кто их соседи, кто у них правитель? Непременно расспроси их о Рюрике, может они знают, откуда он совершает набеги на наши земли? Постарайся окрестить их. В ближайшее время я пришлю тебе одного помощника. Он тебе поможет в этом.

Вереница разоружённых русов неспешно брела за семенящим впереди аббатом. Один из них – здоровенный верзила тихо спросил воина, который отвечал на вопросы императора:

– Оскол, а чего это ты ляпнул императору, что мы в Скандии живём?

– А стоит ли им правду-матку вываливать? Ты, Бермята, забыл – кто они? Или ты франкам опять готов доверять после того, что с нами было?

В ответ Бермята только вздохнул, а Оскол продолжил:

– То-то и оно!.. У меня шрамы от ран, нанесённых ими, начинают ныть, как только их вижу. Чем меньше о нас они будут знать, тем быстрее домой попадём.

На следующий день русов привели в достаточно просторную келью, в которой стоял один единственный стол, за которым разместились аббат Гунтбальд и с глазами навывкате писарь-монах, обложенный свитками пергамента и кипами заточенных гусиных перьев. Аббат, окинув взглядом пришедших и выбрав из них самого крупного с наивным, по его мнению, взглядом, обратился к нему:

– Как твоё имя?

– Бермята.

Гунтбальд строго посмотрел на писаря, и тот заскрипел пером, выводя на пергаменте «Бермунд».

– Так как же зовут твоего конунга? – опять перевёл взгляд на Бермяту аббат.

– У нас нет конунга, и не было никогда, – развёл руками Бермята.

– А как же вы решаете споры между собой?

– Сообща решаем... Да и чего нам делить-то?

– То есть, вами никто не владеет, и у вас демократия, как у древних греков?

– Я не понял, о чём ты говоришь, но клятву на верность мы давали...

Прервав Бермяту и задвинув его за себя, вперёд вышел Оскол:

– Нашим народом владеет каган, а мы служим тому, кто больше заплатит.

Гунтбальд смотрел на этого воина в византийской одежде, и у него начало возникать ощущение, что он уже где-то встречался с ним. Да и этот рослый и простоватый на вид здоровяк тоже не казался ему незнакомцем. А может, большинство воинов похожи друг на друга? Аббат раздражённо дёрнул щекой:

– А как твоё имя?

– Осколом меня кличут.

Писарь заскрипел пером и старательно начал выводить на пергаменте «Аскольд».

– Откуда у вас знание языка франков?

– Мы много воевали с данами, а их язык не намного отличается от вашего.

– Ваша земля граничит с данами? – аббат заинтересованно смотрел на Оскола.

– Даны, как муравьи в поисках корма, рыщут на своих судах по всему морю и нападают на всех.

– Бились с ними?

– Приходилось.

Гунтбальд устремил пронзительный взгляд на Оскола и вкрадчиво произнёс:

– Насколько мне известно, Рюрик – ярый недруг данов. Приходилось ли вам помогать ему?

– Когда Рюрик переломил хребет данам, вздёрнув их конунга Готфрида, ему помогли многие: и князь Цедраг, и князь Яромир, и даже витязи Арконы, что охраняют храм Святовита.

– Помогали ли вы ему усмирять данов?

– Разве их усмиришь? – усмехнулся Оскол.

– И всё же?..

Ледяной тон Гунтбальда заставил убрать усмешку с лица собеседника, и в ответ аббат получил аналогичный тону такой суровый взгляд, что сразу стало ясно – это достойный противник.

– Мы помогаем всем, кто хорошо заплатит, особенно, если нужно данов побить. Всем известно, что Рюрик не поскупился оплатить услуги тем, кто ему помогал: и Цедрагу, и Яромиру, и витязям...

– И вам?..

– Мы тоже внакладе не остались.

– Любите золото?..

– А кто же его не любит?

– Император Людовик может хорошо наградить, если сообщите, где скрывается Рюрик.

– Мы этого не знаем.

– Тысяча золотых монет... – в ответ аббат увидел только насмешливую улыбку. – Пять тысяч... Десять тысяч...

Не дождавшись согласия, Гунтбальд, скрывая раздражение, продолжил:

– Этот князь доставляет очень много, скажем так, неприятностей нашему императору Людовику. Чего он добивается, – не понятно. Хотелось бы встретиться с ним и обсудить воз-

никшие разногласия. Вы можете найти возможность передать Рюрику это желание нашего императора?

– Как же мы ему передадим, если сами не знаем, – где его искать?

– Мы могли бы взять вас всех на службу. Оплата была бы не хуже, чем у императора Феофила. А за время службы помогли бы найти Рюрика. Если он предстанет перед очами императора Людовика, каждый из вас получил бы по тысяче золотых монет. Согласны?

Оскол отрицательно покачал головой:

– Нет у нас возможности служить императору. Истосковались мы по жёнкам нашим, хочется детишек своих потискать.

– А может – подумаете? Это очень много золота.

Ответом на слова аббата было полное молчание.

– Хорошо, – вздохнул Гунтбальд, – мы поможем вам вернуться на родину, но только вместе с вами поплывёт священник. Он будет пересказывать вам Евангелие, побуждать ваши сердца встать на путь познаний истин христианства, приобщать вас к его ценностям, одна из которых гласит: возлюби ближнего своего! Если эта истина безоговорочно войдёт в ваши сердца, то будет побуждать вас к совершению добрых поступков. Но это будет потом, а пока сообщите мне имена остальных...

Аббат поочерёдно переводил взгляд с одного воина на другого и слышал в ответ:

– Ульвар, Тыра, Путарь...

В это время писарь с усердием, высунув кончик языка и скрипя гусиным пером, выводил на пергаменте «Ульвар, Дир, Будтор...»

Покидая келью, Бермята склонился к уху Оскола:

– А чего это ты от золота отказывался?

– А ты уверен, что мы его получили бы? Это франки, а им после всего, что было с нами – веры нет.

Поучая Бермяту, он не обратил внимания на испуганного монаха, прижавшегося к стене и раскрывшего рот от удивления, который во все глаза рассматривал проходящих мимо русов. Едва последний из них скрылся из глаз, он буквально ворвался в келью и, вытаращив от возбуждения глаза, заверещал:

– Зачем вы их отпустили? Вы знаете кто это? Знаете?..

– Успокойся, брат мой! – умиротворённо произнёс аббат. – Здесь нет места для криков. Это тихая обитель. Ты, вероятно, Эббон?

Дождавшись утвердительного ответа, Гунтбальд продолжил:

– Его Высокопреосвященство предупреждал меня о тебе. Так тебе знакомы эти русы?

Эббон принял благочестивый вид и, перебирая чётки, негромко начал говорить:

– Я встречался с ними, когда проповедовал у данов. В то время Рюрик захватил город Худебю и погубил конунга Готфрида.

– Это мне известно, – склонил голову аббат. – Они помогали Рюрику разбить данов.

– Как они могли помогать Рюрику, – возмутился Эббон и опять повысил голос, – если они сами воины Рюрика? Один из них, который хотел меня утопить, – верный воевода князя.

– Это, наверное, тот, с кем я вёл беседу, – повернулся аббат к писарю. – Выходит, что я не ошибся и действительно раньше встречался с этим, э-э...

– Аскольдом, – подсказал писарь.

– Да, с Аскольдом. Что ж, тогда понятно, почему он отказывался рассказать о Рюрике. Они нам враги, и я считаю, что будет правильно, если их возьмут под стражу. Я сообщу архиепископу, и он распорядится прислать воинов. А ещё надо сообщить данам, чтобы они отправили свои корабли с воинами к берегам Скандии, к этим русам-свеонам. Может им удастся там захватить их заклятого врага Рюрика.

Глава 2

(840 г. от Р.Х.)

Густые клубы дыма поднимались от многочисленных пожаров в одном из небольших городов Фрисландии. По его улицам разносился зловонный смрад от сгоревших трупов. У обезумевших от горя и страха оставшихся в живых людей уже не осталось слёз, и они безучастно смотрели на воинов, грабивших их жилища. Во многих местах прямо на земле сидели с опустошённым видом многократно обесчещенные молодые девушки и женщины. Их растерзанная одежда уже не скрывала их женские прелести, и изредка проходящий мимо воин, прельщённый оголённым телом, подходил к прельстившей его, и та безропотно откидывалась на спину и, закусив губу от очередного унижения, ожидала, пока воин уймёт свою похоть.

Рюрик в сопровождении Рагнара, Матфрида и Градимира шёл по разграбленному городу и с удовлетворением смотрел на дело рук своего воинства. Он искоса поглядывал на грузного, еле поспевающего за князем купца, который с кислой миной на лице поглядывал по сторонам.

– Чем не доволен, Градимир? Добыча мала?.. – наконец остановился князь. – Иль торговать выгодней? Ты же сам просился со мной на франков. Может – стар стал, и сил уже не нет? Или тревожишься, что князь Яромир будет недоволен, что со мной в поход пошёл?

– Сил ещё полно, и воины мои довольны, а князю Яромиру до меня дела нет. Только уже второй год подряд мы разоряем эту Фрисландию. Уже всю её обобрали, добычу с трудом находим, а хотелось бы ещё нетронутые области пощипать.

– Интересуешься, почему я в Фрисландию так часто повадился? Матфрид, – князь повернулся к одному из своих воевод, – вот ты франк. Знаешь ответ на этот вопрос?

– Это твоя земля, и ты вправе собирать с неё дань, – невозмутимо ответил франк.

– Вот именно... Император взял с меня слово, что я отцовский удел брату Цедрагу отдаю, а взамен эту землю посулил. Слово своё он нарушил, и остался я без земли. Так пусть же она достанется ему разорённой.

– Княже, – Мирослав подтащил за шиворот монаха в пыльной одежде и с силой толкнул его в сторону Рюрика, что тот распластался перед князем, – думал, прячет что-то ценное, а у него кроме деревянного креста да этого свитка с письменами нет ничего. Хотел уж было отпустить, да что-то взволновался он, когда я этот свиток в руках вертел.

Мирослав сунул лоскут кожи князю, а монах, провожая его взглядом, трепетно протянул к нему руки.

– Что за письмена? – равнодушно спросил Рюрик, разглядывая написанное.

– Это послание архиепископа Меца аббату Ансару, что проповедует у данов.

– И ты туда следуешь?

Затравленный взгляд монаха объяснил всё без слов.

– Так о чём же извещает архиепископ аббата?

– Я не могу это сообщить, – затрепетал от страха монах.

– Жаль, – невозмутимо произнёс князь, – Мирослав, перережь ему горло.

Мирослав схватил монаха за волосы, запрокидывая его голову назад.

– Пощади, я подневольный человек.

Рюрик приподнял руку с раскрытой ладонью, приостанавливая Мирослава:

– Матфрид, а ты можешь разобрать эти письмена?

Изгой франкского двора пробежал взглядом по свитку и пренебрежительно бросил его в пыль перед монахом.

– Ничего существенного... Написано на латинском языке, поручается аббату Ансару, чтобы тот сообщил данам, что тебя, князь можно перехватить у берегов Скандии. Для этого архиепископ требует, чтобы даны направили своих воинов к этому побережью¹.

¹ В 50-х годах даны устроили блокаду побережья средней Швеции. Чем закончилась блокада, анналы истории не упоминают.

– Надо же, неймётся им... – усмехнулся Рюрик. – Чужими руками хотят жар загребать. Нам ли данов бояться?! Пусть только сунуться!

Рагнар присел на корточки перед монахом:

– Что же император так воинами оскудел, что данов натравливает на князя?

– Воинов у него достаточно, – хрипло ответил монах, – только он всё никак со своими потомками не разберётся.

– Ну-ка, ну-ка...

Мирослав отпустил монаха, и тот испуганно косясь на него, продолжил:

– После смерти своего среднего сына Пипина император обделил землёй его сыновей и своих внуков, отдав почти всё своему любимому сыну Карлу. Им это не понравилось, и императору Людовику с войском пришлось усмирять их недовольство, а теперь слух прошёл, что его сын Людовик самовольно захватил Алеманию и Франконию. Теперь императору придётся усмирять и его.

Рагнар усмехнулся:

– Выходит, что император так любит своего младшего сына, что позволяет ему обогащаться за счёт других?

– Выходит, что так.

– А где обитает младший сын императора?

– В Париже.

Рагнар встал и, продолжая смотреть сверху вниз на монаха, спросил у Матфрида:

– Скажи-ка, Матфрид, а мы можем добраться до этого Парижа?

– Париж стоит на реке Сене, и наши драккары могут спокойно доплыть до города.

– Князь Рюрик, – иронично улыбающийся Рагнар повернулся к князю, – у этого любимого сынка императора должны скопиться несметные сокровища. А не нагрнуть ли нам к нему? Император натравливает на нас данов, а мы ударим там, где нас не ждут.

– Можно попробовать, – алчно загорелись глаза у Градомира. – Ты проведёшь нас к этому Парижу, Матфрид?

– Дорогу отыскать не трудно, но в городе достаточно воинов, чтобы защитить его.

– А что!.. – с задором воскликнул Мирослав. – Если неожиданно нагрнуть, то с насока город взять можно будет. Не думаю, что в этом Париже больше воинов, чем у нас.

Монах испуганно смотрел снизу вверх, ожидая решения князя, и Рюрик перехватил этот взгляд. Он не спеша шагнул к монаху и, стремительно выхватив меч, рубанул его по шее.

– Он услышал то, чего слышать не должен, – пояснил князь. – Париж взять – мысль хорошая, но не время сейчас.

Видя разочарованные лица Градомира и Мирослава, Рюрик пояснил:

– Франки числом сильны, а у меня воинов пока недостаточно, да и молодых много, неопытных. Им бы пообвыкнуться надо вначале, к крови привыкнуть, уверенность в силе нашей поиметь. На Карла идти – воинов раза в два больше надо.

– Я сотни две ещё могу привести, – жажда наживы Градомира заглушала доводы Рюрика.

– Мало...

– Как мало?! – в запале от своей идеи Рагнар даже повысил голос. – Кроме Градомира ещё твои воины, князь, мои, Остромысла, Матфрида, Мирослава. Харальда пригласим... Мало?

– Мало.

– Со всей Скандии воинов соберу... Ради большой добычи и две тысячи наберётся.

– Соберёшь две тысячи, – поручу тебе вести моих воинов на Париж. Но собрать воинов мало. Нужно, чтобы франки распылили свои силы, а для этого мы предварительно ударим там, где они нас не ждут.

- Когда? – оживился Мирослав.
- Когда я это решу, – усмехнулся Рюрик.
- * * *

Благородный олень, подгоняемый лаем собак, грациозно переставляя ноги и закинув на спину свои рога, пробежал невдалеке от императора. Людовик равнодушно проводил его взглядом и, скрывая раздражение от сорванной охоты, опять погрузился в послание канцлера, перечитывая его ещё раз. Наконец он закончил чтение и с досадой взглянул на своего вечно угрюмого камергера, навязанного ему родственниками жены. Как этот камергер отличался от жизнерадостного Бернара Септиманского! Может опять проявить к нему милость и приблизить ко двору? Хотя вряд ли... Обрётший за последнее время большое влияние род Вельфов вряд ли этого допустит. За что, интересно, они так невзлюбили маркиза? Людовик строго взглянул на слугу:

– Воины собраны на берегу Рейна около Зальца и ждут меня. Собирайся в путь! Мы немедленно выезжаем.

Камергер неуклюже топтался, переминаясь с ноги на ногу.

– Что ещё?..

– Его Высокопреосвященство архиепископ Меца просит разрешения встретиться и поговорить...

– Разве могу я отказать своему духовнику?

К приблизившемуся архиепископу император шагнул навстречу и склонил перед ним голову:

– Благослови, отче!

Архиепископ перекрестил Людовика и сунул ему руку для поцелуя:

– Благословляю сына Божьего императора франков Людовика на недопущение необдуманных решений.

– О чём ты? – поднял голову император, встретившись взглядом с архиепископом.

– Ты не должен вести войска против своего сына Людовика.

– Но он самовольно захватил Франконию и Алеманию. Я не должен закрывать на это глаза.

– Ему без этих земель не хватит сил покорить славян, – негромко и спокойно, пытаюсь образумить императора, произнёс архиепископ. – Ты же знаешь, что пока они у нас под боком, то мирной жизни не жди.

– Это земля предназначена для моего сына Карла, и я не позволю ломать устои своих решений, – нахмурившись, упрямылся император. – Он должен быть наказан.

– Это я благословил твоего сына подчинить себе эти земли.

– Брат мой, ты забываешься, – император еле сдерживал своё недовольство. – Ты кто?.. Занимайся спасением грешных душ, а мирские дела оставь мне.

Людовик властно вздёрнул голову и скорым шагом направился к пажу, державшего поводья коня императора.

– Ты видишь, как одряхлел мой брат? – спросил архиепископ появившегося около него словно из-под земли аббата Гунтбальда.

– На вид он бодр, – пожал плечами аббат, наблюдая, как император лихо взлетел на коня.

– У него угас дух нашего отца Карла Великого, а если дух угас, то нет и стремлений добиваться того, для чего он предназначен как повелитель своего народа. Все его деяния становятся мелочными и низменными, и из-за этого страдают подданные и даже могут навсегда уйти из истории. Такие люди обычно долго не живут и в скором времени предстают пред Всевышним, а их место занимают другие. Поэтому я и утверждаю, что император уже – не жилец.

Архиепископ с бесстрастным лицом повернулся к аббату и, не моргая, уставился на него. Гунтбальд с изумлением и некоторым испугом оценил этот взгляд и, поперхнувшись, ответил:

– Я думаю, что наш император всей своей благочестивой жизнью заслужил, чтобы его с распростёртыми объятиями встретил апостол Пётр у врат рая.

Архиепископ промолчал, и только краешки его губ чуть дёрнулись, одобряя понятливость аббата.

На следующий день рано утром к кострам, где слуги и рабы готовили завтрак императору и его свите, величаво подошёл аббат Гунтбальд. Его со смиренным видом, перебирая чётки и потупив взгляд в землю, сопровождал Эббон. Аббат, вскинув руки к небу, громогласно воскликнул:

– Нечестивцы, как вы можете в годовщину дня, когда сыновья Иакова продали своего брата Иосифа², готовить пищу императору без благословения отцов Церкви? Или вы по своему недомыслию не понимаете, что этот ваш грех может коснуться и вашего императора? Подойдите же ко мне, дети мои, и я постараюсь избавить вас от прегрешения! Подойдите и встаньте передо мной на колени, и после совместной молитвы я благословлю вас!

Со всех сторон к аббату кинулись люди. Они становились перед ним на колени, а аббат, вытянув над их головами руки, торжественно вещал:

– Ежечасно думайте о Боге, дети мои! Все дела свои вершите неустанно с Его именем в сердце. В необдуманных поступках своих бойтесь гнева Его, ибо очи Его всевидящи, и не спрячешь от Всевышнего то, что навеяно лукавым.

Во время своей проповеди Гунтбальд гневно взглянул на Эббона, и тот, убедившись, что всё внимание окружающих приковано к аббату, осторожно, бочком-бочком подошёл к уже приготовленной пище, достал из рукава спрятанную склянку и плеснул из неё в кувшин с вином, а затем, испуганно смотря на проповедовавшего аббата, поспешил прочь. Гунтбальд проводил его взглядом и закончил проповедь:

– Не уподобляйтесь лукавому, не замышляйте козней против ближнего! И воздастся вам по деяниям вашим. Благословляю вас только на благие дела! Аминь.

К середине дня император, остановившийся со свитой недалеко от города Зальц у реки Рейн, погрузился и отказался от еды. Его даже не радовал вид войска, ожидавшего его. У него поднялся жар, и обильный пот тёк по его лицу. В надежде облегчить своё состояние и получить желанную прохладу император распорядился поставить себе шатёр на острове посредине реки. Вечером без аппетита попытался поужинать, но тотчас же его стошнило, и в животе начались нестерпимые рези. Сквозь стоны император зывал к Богу, благодаря за новое испытание, выпавшее на его долю.

Через три дня у ложа Людовика появился архиепископ Меца. Обведя надменным взглядом окружающих императора, он выгнал всех из шатра, оставшись с ним наедине. Архиепископ присел рядом с императором и вкрадчиво произнёс:

– Сам Господь запрещает тебе воевать с сыном. Отрекись от своих намерений, и я постараюсь облегчить твои мучения. Ты должен даровать земли Франконии и Алемании своему сыну Людовику. Это нужно для благо империи.

Император от гнева широко раскрыл глаза и захрипел:

– Я лучше знаю, что есть благо империи. Мои старшие сыновья должны признать Карла равным себе, а это произойдёт только тогда, когда он будет обладать обширными землями и многочисленными подданными.

– Глупец, заставить их признать Карла может только Церковь, устами которой говорит сам Всевышний. Исполни то, что прошу я, и ты исполнишь волю Господа!

Людовик напруг последние силы и приподнялся на ложе:

² У Иакова было двенадцать сыновей, от которых произошли двенадцать колен народа еврейского. Один из братьев – Иуда посоветовал продать Иосифа, и они продали его проходящим купцам за двадцать сребренников.

– Помазанник Бога на земле – папа не может знать всех помыслов Всевышнего. Откуда можешь знать ты?

Архиепископ нахмурил брови, наклонился к самому лицу императора и властно произнёс:

– Ты забыл о наших главных врагах? Пока славяне живут у наших границ, спокойствия не будет. Отдай эти земли своему сыну Людовику! Если этого ты не сделаешь, то в скором времени ты покинешь этот мир, а Лотарь приберёт всё к своим рукам и оставит Карла нищим.

– Так не может говорить мой брат. Ты не мой брат!

– Так умри же в мучениях! За свои грехи ты не попадёшь в рай. Тебя ждёт ад!

– Ты – не человек, ты – отродье дьявола! А может ты – сам Люцифер? – воскликнул император, в изнеможении откинулся на подушки и закричал, осеняя себя крестом. – Прочь! Изыди! Прочь!

Архиепископ усмехнулся и вышел из шатра. К нему бросились братья матери жены императора граф Понтье и Конрад Старый.

– Ваше Высокопреосвященство, что случилось? – встревожились они. – Что за крики?..

– Императору причудились бесы, – архиепископ Меца даже не повернул к ним голову, смотря прямо перед собой. – Умиравший отгонял их от себя.

– Неужели всё так плохо?

– Да, нужно готовиться худшему. Я буду всё время рядом с императором, и мы в молитвах проведём время до самого последнего его вдоха.

Архиепископ, опираясь на посох, пошёл прочь, а Конрад взглянул на брата:

– Не пора ли сообщить о болезни императора Юдифи?

Граф Понтье озадаченно скривился:

– Я сообщу об этом племяннице, но только после кончины императора.

Глава 3

(840-841 гг. от Р.Х.)

Император Людовик Благочестивый преставился 20 июня. В последние часы его жизни рядом с ним находился его сводный брат архиепископ Меца и то только потому, что умирающий был уже в небытии, а до этого он не допускал к себе никого, постоянно молясь. Именно архиепископ на смертном одре прикрыл очи императора и сложил его руки. В сопровождении войска, епископов, аббатов и графов тело императора препроводили в Мец и похоронили в церкви святого Арнульфа. Ни жена, ни дети не присутствовали на похоронах Людовика, и это отчасти вызвало озабоченность архиепископа, и это заставило его хмуриться всё время, пока происходила церемония захоронения императора. Поэтому он так недовольно встретил улыбающегося аббата Гунтбальда:

– Ты чего так зубы скалишь?

– Я предполагаю, – учтиво ответил аббат, – что мы уже стали ближе к нашей цели: вознесению духовной власти над светской.

– Ты ошибаешься. Пока ещё нет, – вздохнул архиепископ. – В настоящее время мы стали ещё дальше от этого.

Улыбка слетела с лица аббата, а архиепископ продолжил:

– Я не ожидал, что Лотарь так прытко начнёт вершить дела, и это моя ошибка. Я же это должен был предположить. Он не похож на своего покойного отца. Лотарь не рассуждает, а действует. Пока все занимались похоронами Людовика Благочестивого, он захватил имперскую казну и разослал всем указы, чтобы под угрозой смерти и изъятия недвижимости все присягнули ему на верность, как императору. Это не тот правитель, который упустит власть из своих рук. Кто ему сможет противостоять? Карл? Он ещё неопытен в этих делах. Если только

его мать Юдифь... – архиепископ чуть задумался, а потом продолжил. – Ладно!.. Людовик?.. Со своей нерешительностью вряд ли он посмеет пойти против старшего брата.

Архиепископ взглянул на встревоженное лицо аббата и чуть улыбнулся кончиками губ:

– Но не надо отчаиваться! Всё в жизни переменчиво. Как там у Экклизиаста? «Летит ветер к югу, поворачивает к северу, кружится, кружится и опять возвращается на круги своя». Так и у нас есть возможность всё вернуть «на круги своя». Достоинства Лотаря – одновременно и его слабости. Мы воспользуемся его импульсивностью, прямолинейностью в решении проблем, а проблемы мы ему создадим. Для него сейчас – это не испортить отношения с братьями, а мы подтолкнём его к необдуманным действиям. Направляйся к императрице Юдифи и её сыну Карлу и посоветуй ей напомнить Лотарю о заключённом между ним и его покойным отцом, мир его праху, – здесь архиепископ возвёл глаза к небу и перекрестился, – договоре, по которому произошло разделение земель между ним и Карлом. Я почти уверен, что скупость Лотаря не позволит ему поделиться землёй с братом Людовиком, а согласится ли тот иметь только одну Баварию и хватит ли у него сил противостоять старшему брату? Придётся мне самому встретиться с ним и убедить его прекратить вражду с Карлом, а может быть даже взять его в союзники. Иначе ему не устоять против Лотаря, но это ты не оглашай Юдифи.

Вдова императора встретила аббата Гунтбальда в присутствии своего дяди графа Понтье. Она, заломив руки, настороженным взглядом смотрела на вошедшего аббата. Гунтбальд, держа в руках янтарные чётки, учтиво склонил голову и лилейным голосом и даже немного слащаво начал говорить:

– Архиепископ Меца шлёт глубокие сожаления о безвременной кончине нашего императора и заверяет, что готов оказать необходимую помощь вдовствующей императрице и её юному сыну.

Юдифь вспыхнула, возмущённо вскинула голову, но сдержав себя, тихо произнесла:

– Я благодарна Его Высокопреосвященству, что он скрасил своим присутствием последние дни моего мужа. Об этом мне поведал мой дядя.

После этих слов граф Понтье церемониально склонил голову.

– Я очень благодарна за его желание помогать мне и моему сыну, но чем он может помочь против притязаний Лотаря? Он и при жизни мужа, недолюбливая нас, заключал меня и малолетнего Карла в монастыри, а теперь и подавно от него можно ждать чего угодно.

Граф Понтье шагнул в сторону Юдифи и с возмущением крикнул:

– Мы не позволим Лотарю опять заточить в монастырь тебя и Карла. Нужно собирать войско!

Аббат смиренно прикрыл глаза:

– Разве мы можем предвидеть то, что подвластно только промыслу Бога? Только неустанно молясь и призывая Всевышнего к снисхождению, можно облегчить свои страдания. Вряд ли можно избежать того, что начертано свыше. Но предопределено ли Божьим провидением то, что собирается делать Лотарь? Это никому не известно. Поэтому нужно делать то, что подсказывает здравый смысл. Его Высокопреосвященство предлагает написать от имени императрицы письмо Лотарю и напомнить ему, что он должен исполнять условия договора, заключённого в Вормсе между ним и его отцом. По этому договору Карлу должна принадлежать Нейстрия, Аквитания, Септимания, Испанская марка и Бургундия, не так ли? Я думаю, что с этим письмом нужно послать графа, – аббат внимательно посмотрел на дядю императрицы, – и пусть он потребует, чтобы Лотарь подтвердил условия его выполнения.

Юдифь задумчиво начала прохаживаться по комнате, а затем, поразмыслив, вздохнула:

– Хорошо, я напишу Лютарю. Это только отчасти отдалит наше с ним противостояние. Граф, только не надо у него ничего требовать, но не нужно и унижаться. Просто нужно узнать его отношение к этим договорённостям, а за это время нам придётся собирать воинов, – она нахмурилась и, смотря прямо перед собой, добавила: – Наши земли ещё нужно уметь защитить.

Аббат прикрыл веки, скрывая восхищение от ума Юдифи.

Через неделю Лотарь, прочитав послание мачехи, презрительно скривился и бросил письмо под ноги графа Понтье:

– Отец умер, а договаривался я с ним. Кто вместо него будет выполнять условия договора?

Граф Понтье промолчал.

– То-то же... Вот и выходит, что договор утратил силу, и Карл уже владеть теми землями, что выделил ему отец, не может. А обладает он таким куском, что запросто можно подавиться. Хватит! Этот жирный кусок я забираю. Я ему оставляю Септиманию, Испанскую марку и, пожалуй, пусть забирает юг Аквитании. Ни на Нейстрию, ни на Бургундию он претендовать не вправе. А может вместо этих земель я дам ему одну Фрисландию. Не знаю, мне нужно подумать.

– Обглоданную норманнами Фрисландию?... – не удержался граф.

– Вот именно... И ещё... Карл должен распрощаться с титулом короля.

Лотарь наслаждался. Он, смотря на подавленное, как ему казалось, состояние графа, мстил за все прошлые обиды, за неудовлетворённое в прошлом желание править, за любовь отца к младшему сыну в ущерб остальным. Граф Понтье смотрел на претендента на императорский трон холодными глазами и понимал, что Лотарь специально провоцирует, ставя Карлу такие условия, которые ему неприемлемы, а также он понимал, что в ближайшее время войны не избежать.

* * *

Поздним вечером в постоялый двор недалеко от Реймса решительно вошёл высокий широкоплечий человек. За ним, позвякивая оружием, протиснулись его шестеро спутников. Человек с надменным видом оглядел помещение с сидящими в сумраке силуэтами людей и властно крикнул:

– Хозяин!

Из темноты дома со свечой в руке появился невысокий пухленький человек:

– Чего изволите?

Вошедший снял шляпу, присел на близстоящий стол, бросив её перед собой, и тоном, не терпящим возражений и скорее выглядевшим как приказ, чем просьбу, произнёс, смотря прямо перед собой:

– Мне и моим спутникам принеси по бутылке вина, мясо, хлеба и ещё, что у тебя есть. Пока мы будем трапезничать, приготовь комнаты, где мы могли бы переночевать! Мне – отдельную, а также расседлай и накорми лошадей и принеси, в конце-то концов, побольше свечей! Я не привык принимать пищу в темноте.

После распоряжения гость бросил на стол горсть золотых монет. Его спутники с шумом начали рассаживаться за соседний стол. У хозяина, увидевшего блеск монет и не ожидавшего такой щедрости, вытянулось одутловатое лицо:

– Как изволите величать, ваша милость?..

Человек не спеша поднял глаза и высокомерно произнёс:

– Зови меня граф.

Услышав ответ, хозяин подобострастно склонился в поклоне:

– О-о-о! Ваша светлость...

Гость продолжил:

– Если я и мои люди будут довольны, то утром получишь ещё столько же, но если вино будет кислым, мясо не прожаренным, или простыни будут влажными, то утром взгрею тебя палкой по твоему толстому заду.

Хозяин испуганно отпрянул и засуетился, и вскоре перед вновь прибывшими на столах появилась еда и вино в окружении множества горящих свечей. Немногочисленные посетители

постоялого двора с интересом посматривали из своих сумрачных углов на пирующих. Наконец, из самого дальнего угла поднялся человек и подошёл к графу, встав напротив него:

– Матфрид, не угостишь ли своего старого приятеля?

Матфрид поднял глаза и в испуге перекрестился:

– Ламберт?! Ты наяву или наваждение, появившееся из небытия?

– Чего это ты так испугался? – иронично скривился Ламберт, присаживаясь перед старым другом.

– Так меня известили, что император Людовик, мир его праху, лишил тебя головы.

– Как видишь – я жив, а ты постарел – сразу не узнать! Одни седые усы чего стоят! Аж в синеву отдают... И на вино не так налегаешь... Только по прежнему не ценишь золото и раскидываешь его горстями.

Матфрид, убедившись, что перед ним живой человек, улыбнулся:

– Все мы меняемся с годами, вот и усы мои поседели. Из-за них меня так и прозвали Синеусом. Я рад тебя видеть, Ламберт. Угощайся!

Ламберт отхватил ножом от жареного на вертеле поросёнка немалый кусок и потянулся за вином:

– Ты назвал себя графом. Орлеанское графство у тебя забрали. Так какими землями ты теперь владеешь? Как тебя теперь величать? Граф?..

– Просто граф.

Ламберт презрительно сморщил нос:

– Я так и предполагал. Граф без земельных владений... Так ответь старому другу, «просто граф»: откуда у тебя столько золота? Зная тебя, я не думаю, что ты мог заняться разбоем. Так кому ты служишь?

– А ты?..

– Я служу сыну Пипина – Пипину II, но, как видишь, он не так богат, чтобы так щедро одаривать своих слуг золотом, иначе, послав меня к Лотарю, отсыпал бы мне горсть монет... Не то что тебе... Я бы не отказался, как и ты, служить такому щедрому хозяину. Так кто он?

– Я служу человеку, который ценит преданность и за это щедро платит и который всегда верен своему слову, а это многое значит. Пусть сейчас он лишился выделенной ему земли, но когда он её вернёт, то и я получу своё.

– Ты служишь Людовику Баварскому, – понятиво закивал головой Ламберт.

– Когда это сыновья покойного императора Людовика были щедры? Я говорю о Рюрике.

– Вот как! Занятно. Ты всё-таки выбрал разбой...

– Война – это всегда разбой. Всегда при этом есть униженные и обиженные, не говоря о погибших.

– Но он наш враг и варвар!

– Он стал врагом, когда его несправедно лишили земель, подаренных ему императором Людовиком. А ты забыл, что его и его воинов крестили?.. Какой он варвар?..

– Он не чтит Господа нашего, разоряет монастыри, убивает священников...

– Зря князь Рюрик кровь не проливает, а разве все воины императора выглядят агнцами Божьими? Славяне, как и все христиане, хотят выращивать хлеб, рожать и растить детей, торговать... Да, у них нет особого рвения почитать Иисуса, – здесь Матфрид перекрестился, – а разве все священнослужители соблюдают добродетели, преподнесённые нам свыше? Даже папа...

– Ладно, оставим этот спор. Скажи мне лучше – как ты оказался в этих краях, если ты служишь Рюрику?

– Князь велел мне встретиться с Лотарём. После смерти императора Людовика только он может решить судьбу Фрисландии. Если Лотарь соглашается с правом Рюрика на эту землю, то князь обещает забыть прошлые обиды.

Ламберт, сделав очередной глоток вина, отставил бокал и, наклонившись к Матфриду, с возмущением зашептал:

– Глупцы! Неужели вы рассчитываете, что Лотарь забывает прошлые обиды? У него в руках почти вся империя, а главное – имперская казна. Со временем золото сделает своё дело – к Лотарю примкнут и другие, но он не любит ждать. Он не может терпеть, пока поддерживающие его брата Людовика саксы, часть франков, аламаны и тюринги покорятся ему, а тем более поддерживающие Карла бургундцы и аквитанцы. Лотарь люто ненавидит Карла и его мать Юдифь. Если Рюрик ударит по землям Карла, то, я думаю, Лотарь оценит это. Заодно князь поможет Пипину, который изо всех сил сопротивляется стремлениям Карла отобрать его земли.

Ламберт откинулся на спинку стула и внимательно разглядывал Матфрида, пытаясь понять – согласен ли тот с его доводами? Видя его сомневающееся лицо, он продолжил:

– Если тебе дорога твоя голова, то не стоит тебе показываться на глаза Лотарю. Всё, что хочет князь Рюрик, могу передать и я, а ко мне-то он более снисходителен.

Матфрид потянулся к фруктам, выбрал яблоко и с хрустом откусил кусок. Медленно пережёвывая, он доел яблоко до конца и только после этого промолвил:

– Видимо – ты прав. Какая разница, если Лотарь узнает о предложении князя из твоих уст, а не из моих. А Рюрику я передам твои замыслы.

Ламберт облегчённо вздохнул и с сожалением замотал головой:

– Жизнь так быстротечна и суетлива. Чуть больше двадцати лет назад все были друзьями, пили вместе вино, а теперь!.. Граф Руссильон казнён. Граф Вельф Баварский милостью судьбы и потугами маркиза Септиманского стал тестем императора и смотрит на всех свысока. Вместе с тобой мы сражались плечом к плечу во многих битвах, а теперь ты служишь Рюрику! И хотя мы теперь можем оказаться на разных сторонах поля битвы, давай просто, как в старые добрые времена, выпьем вина.

* * *

– Э-хе-хе! – В очередной раз вздохнул Владияр и опять начал ворошить свой товар, выкладывая вперёд на его взгляд самые яркие и цветастые платки. – Красавица! – попытался привлечь он к своему товару проходящую мимо торговку пирогами. – Подбери себе платок! Смотри, какой выбор! Весь торг обойдёшь, а таких не найдёшь... Цветасты, узорчаты... Можем понева³ подобрать...

Женщина остановилась и окинула купца презрительным взглядом:

– А ты что, пень старый, не видишь – не наторговала ещё. На что покупать-то?..

– И почему это я старый-то? – только и смог промолвить Владияр, растерявшись от дерзкого ответа, и услышал в ответ не менее дерзкое и едкое:

– Али зубы у тебя все на месте? Не повыпадали ещё?.. – торговка отвернулась и пошла дальше, призывая покупателей. – Пироги! Пироги! Кому пироги?!

– Не обижайся на неё, сосед! – подошёл к Владияру продававший неподалёку свой товар Мошко. – Не осталось у народа серебра совсем. Злой он стал от этого. Зачахла от этого торговля, зачахла... Сам не знаю – чего делать? Никому не нужна стала моя ковань. Бывает – днями стою, ничего не продаю. Давеча топор продал и рад, а к мечам да кольчугам никто и не приценивается. Зимой на санях повёз по округе торговать, так весь и чудь привередливые стали, чуть ли не задарма хотят брать? Какая выгода мне? Никакой. Молвят, что в Ладогe у Рюрика дешевле возьмут. Куда деваться? Пришлось продавать с ничёмным наваром. Набрал я у них пушнины, а кому сбывать? Сворачивают купцы торговлю, сворачивают... А осень придёт, Синеус своих людей опять пришлёт за данью. Серебро только готовь!.. А где его взять-то?

³ Передник, одеваемый поверх рубахи.

Как дальше жить? Не знаю... Как жить?! Хоть в Муром под хазар переселяйся! Всё меньше обирать будут.

– Верные слова ты говоришь, сосед. Князю дай, мурманам дай... Серебра не напасёшься. Уж придется в мошну руку запускать, из спрятанного на чёрный день тратить. Неужто этот чёрный день наступил?

– Не знаю, не знаю... – вздохнул Мошко. – Мне отец казну большую оставил, чтобы я его дело продолжил. А что теперь мне сыну оставлять? А другому?.. Сырца железного купить надо? Надо. А сколько пота прольёшь, прежде чем меч изготовить! Да на прокорм... А времени сколько потеряешь, прежде чем это всё продашь! Погоди, погоди, никак товаром моим заинтересовались.

Мошко засеменил к покупателю, рассматривающего кольчуги, а Владияр, выдавив на лицо слащавую улыбку, поспешил следом:

– Мишата, что же ты меня сторонисься? Ведь немало мы с тобой стёжек-дорожек истоптали! Из скольких переделок вместе выпутывались! Аль обижал я тебя и платил мало?

Мишата, примеряя кольчугу, степенно ответил:

– Платил честно, зря нечего говорить.

– Что же ты меня покинул? Возвращайся!

Мишата достал кожаный кошель, выложил на стол кучу серебряных монет за кольчугу и промолвил:

– Все в Нова-граде знают, что лучше, чем у Мошко, доспех не сыскать. В таком доспехе в любом бою живым останешься. Князь Рюрик в скором времени опять в поход собирается, вот кольчужка мне и пригодится.

– Не вернёшься, значит?! – загоревал Владияр.

– Ты уж, Владияр, извини – смысла нет. С тобой плыть торговать – голову тоже сложить можно, как и с Рюриком. Зато с князем обогатишься быстрее. Когда бы я с тобой на доспех накопил?! К тому же в Нова-граде жить – мурманам дань платить, а в Ладоге я свободен от этого.

– И Балша с тобой там? – поинтересовался Владияр.

– И Балша... – повернулся уходить Мишата.

– А Путарь?.. – вдогонку крикнул Владияр.

– Пропал Путарь, сгинул – ни слуху, ни духу...

Глава 4

(841-842 гг. от Р.Х.)

В непроглядной темени раздался надрывной кашель и эхом разнёсся по всему сырому подземелью. Бермята приподнялся на своей скудной подстилке из влажной соломы, пытаясь разглядеть что-либо, но чёрный мрак застилал глаза. Он облегченно выдохнул и, почёсываясь от досаждавших его блох и гремя оковами, с шумом подгрёб под себя влажную солому.

– Чего ворочаешься? Не спится? – услышал Бермята тихий голос Путаря, прикованного к стене цепями рядом с ним.

– Оскол кашляет – живой ещё, – так же тихо ответил Бермята. – На нём живого места нет. Хорошо, что каты уж несколько дней не ходят и оставили его в покое. Иначе...

– Какой он Оскол?! Франки его Аскольдом кличут, да и он не прочь отзываться на это прозвище.

– То же мне, имечко придумали: Аскольд!.. Непривычно уху. Да и Дир тоже...

– А что Дир?! – отозвался Тыра, прикованный напротив. – Чем тебе имя Аскольд не нравится? Это как удар мечом: «ас» – взмах и шелест ветра, «кольд» – звон удара о шелом врага. А Дир! Это же звон отбитого щитом удара. Мне нравится. Да я зарок дал, что если

выберусь отсюда, то до самой смерти Диром буду зваться, и франки будут помнить месть Дира. Вот только как выбраться?.. Я бы выбрался, но как бы цепи сбить? Бермята, ты бы смог?

Бермята только горестно улыбнулся, но кто в этой крошечной тьме увидит эту улыбку?

– Сгниём мы здесь, если не сбежим. От этой похлёбки скоро ноги не будем волочить, – отозвался из темноты Ульвар. – У данов рабом и то было легче. Хитрость какую-нибудь надо придумать.

– Что придумашь? – вздохнул Путарь. – Я уж извелся весь, да ничего на ум не приходит. Отупеешь здесь...

И опять наступила тишина до тех пор, пока небольшое тёмно-серое пятно зарешёченного массивными прутьями окошка не осветлело, предвещая рассвет, и сразу же лязгнули засовы, закрипела тяжёлая дубовая дверь, и в её проёме показался монах Эббон, освещённый чадающим пламенем горящего факела.

– Князь! Князь Аскольд, не осознал ещё свои грехи? Не желаешь покаяться? А может из твоих людей кто хочет?.. – закричал монах от самого входа, и его крик эхом несколько раз прокатился по всему подземелью.

Зазвенели цепи разбуженных криком русов, и недовольный Путарь с раздражением откликнулся на крик монаха:

– Чего ты как петух непутёвый голосишь ни свет ни заря? Чего в такую рань припёрся? Не терпится тебе людей мучить? И катам своим спать не даёшь... Иль еды нам нормальной принёс?

– Нет еды. Один я остался, трудно мне одному со всем управиться, – закричал Эббон, осторожно спускаясь по мокрым каменным ступенькам и освещая себе дорогу тускло светящим факелом. – Воинов мало стало, да и те не хотят мне помогать, а палачи без воинов не хотят к вам идти. Что делать – не знаю, не знаю...

– Куда же ты воинов подевал? – поинтересовался Путарь.

– Так на войну с Лотарём ушли. Большое войско собралось. Что теперь будет, что будет?.. Брат на брата поднялся – беда-а!

Путарь в темноте не видел, как изменилось лицо у Тыры, но услышал, как он застонал, и стоны становились всё громче при приближении монаха. Заинтересовавшись этими стонами, Эббон остановился и протянул руку с факелом, освещая пленника:

– Ты чего?..

И в ответ услышал:

– Занемог я – нутро горит. Чую, что скоро конец мне. Проникся я в твои нравоучения, Эббон.

– Зови меня отче... – Лицо монаха приняло приторно-слащавое выражение.

– Видение я видел этой ночью. Подошёл ко мне человек, руку протянул к моей голове, и легко мне стало так, что боль прошла. Слышу я голос, а человек губ не размыкает. Удивился я и испугался, а голос так явно мне приказывает...

Пленник опять застонал, ухватившись руками за живот, а заинтригованный рассказом Эббон подошёл ближе к пленнику:

– Чего приказывает-то?

– Приказывает, чтобы я веру истинную принял.

Монах довольно заулыбался:

– Это ангел тебя посетил и передал веление Господа нашего, – Эббон перекрестился.

– Поверил я этому чуду, так как боль моя прошла при его появлении. Хочу я перед смертью своей веру истинную принять. Окрести меня, отче! Верю я, что боль моя отступит после этого.

Бермята, зазвенев оковами, приподнялся:

– Да ты что, Тыра! Опомнись! От веры своих отцов отказываешься?

Но тот только зло вскинулся:

– Дир я, и умру теперь с этим именем! – а затем опять застонал: – Окрести меня, отче, побыстрее! Боюсь, что не доживу я до этого – скрутило меня шибко.

– Сейчас святой воды принесу... – заторопился Эббон.

– Так не пойдёт, отче. Креститься в оковах – это как по принуждению. Не примут меня небеса.

– Что же делать-то? Не могу я с тебя оковы снять – все ключи у аббата. Хотя... Я сейчас, – монах чуть ли не бегом поспешил к выходу.

– Да-а, – выдохнул Бермята, – измельчал народ. Умереть с честью – зазорно, видите ли...

– Недалёкий ты, Бермята, – усмехнулся Путарь, – дальше своего носа не видишь.

– Чего это я не вижу? – возмутился Бермята, а из темноты подземелья раздался голос Аскольда:

– Вы там монаха этого не пришибите ненароком. Пообщаться я с ним хочу потом.

Бермята удивлённо повёл глазами, а затем довольная, даже можно сказать чуть блаженная улыбка появилась на его лице. Опять наступила тишина, и все, затаив дыхание, напряжённо ждали появления Эббона. Он не заставил себя ждать и чуть ли не вприпрыжку подбежал к Диру, держа в руке молоток и шкворень и, прежде, чем приступить к его освобождению, склонился над ним и вкрадчиво попросил:

– Перед принятием истинной веры очисти, Дир, душу и поведай мне: где можно разыскать Рюрика?

– Не томи, отче, и начинай освобождать от этих оков, а заодно слушай. Далеко в море в семи днях пути от руян, там, где восходит солнце, находится небольшой остров с зелёной долиной. К нему подобраться непросто, так как он со всех сторон окружён торчащими из воды скалами, на которых гнездятся чайки. Плыть к этому острову непросто – много ладей разбилось на этих скалах, поэтому даже купцы обходят это место стороной. Живёт там Рюрик со своим многочисленным войском. Ладей у него много, и когда все воины садятся в них и выходят в море, то паруса последних ладей скрыты за горизонтом.

Дир рассказывал, а монах, неумело орудуя молотком и частенько промахиваясь, выбивал заклёпки, удерживающие оковы. По мере освобождения стоны у Дира становились всё тише, и как только последние оковы слетели с его ног, он схватил Эббона за горло. Монах захрипел и побледнел от страха.

– Снимай сутану! – зло прошипел Дир. – Путарь, освобождайся скорей и примерь одежду монаха. В ней тебе будет легче выведать: есть ли стража?

Путарь с радостным остервенением начал сбивать оковы, а монах, стянув с себя одежду, обнажил обвислую кожу тела, не знавшего физического труда. Эббон испуганно смотрел на бывших пленников, которые освободились от оков, и его начала колотить дрожь.

– Мне холодно, – жалобно пропищал монах, стуча зубами.

– Ничего, – зло процедил Путарь, облачаясь в его одежды, – побываешь чуть-чуть и в нашей шкуре.

Путарь выскользнул за дверь и осторожно стал подниматься по каменным ступеням вверх по лестнице, в конце которой находилась комната, где, закутавшись в свои плащи, безмятежно спали два франкских воина. Их копья были приставлены к стене, а мечи и кинжалы горой лежали на столе. Путарь тенью метнулся к столу, выбрал один из кинжалов и подкрался к одному из спящих воинов. Взмах рукой, и кинжал с хрустом вошёл в тело человека. Франк захрипел и засучил ногами в предсмертной агонии. От этого звука проснулся другой франк и, видя перед собой одежду монаха, с недоумением поднялся на ложе. Путарь схватил прислонённое к стене копьё и воткнул остриё ему между рёбер. Франк ахнул и свалился как сноп соломы.

Путарь выглянул из комнаты и, убедившись, что в холодных каменных коридора монастыря было тихо и безлюдно, вернулся в подземелье монастыря. В подвале все уже освободились от оков и сгрудились вокруг нагого монаха, который, втянув голову в плечи, дрожал и с испугом смотрел на бывших пленников. Аскольд стоял, поддерживаемый Бермятой, возвышаясь над Эббоном.

– Путь свободен, – радостно оповестил Путарь. – Есть даже мечи и копья.

Аскольд кивнул головой, подтверждая услышанное, и ткнул пальцем монаху в грудь:

– Первый раз я не утопил тебя. Сейчас оставляю тебе жизнь, чтобы ты передал своим хозяевам, что месть Аскольда будет ужасной.

– погоди, Аскольд, – шагнул к монаху Ульвар. – Пусть немного посидит в цепях. Помоги мне, Дир.

Они шагнули к Эббону и начали заковывать его в оковы. Монах не сопротивлялся, но завопил:

– Что вы творите, нехристи? Дьявол терзает ваши души, бесы глумятся над вами. Всевышний видит всё и не прощает унижений слуг Христовых, ибо сказано...

– Заткнись! – рыкнул Аскольд. – Ибо я передумаю и сейчас сверну тебе шею.

Монах замолк и с ужасом смотрел, как русы покидают подземелье. Стало так безмолвно, что стало слышно, как мыши вылезают из своих нор и копошатся в оставленной пленниками соломе.

– Эй! – позвал Эббон, а затем завопил во всё горло: – Люди-и!

Ему никто не отозвался, и только эхо опять пролетело по подземелью из конца в конец. У монаха подкосились колени, и он с размаха рухнул на мокрый тюк соломы.

После полудня раздались шаги, и в подземелье появился аббат Гунтбалд. Он бесстрастно оглядел Эббона, закованного в оковы, и равнодушно произнёс:

– Ты знаешь, что произошло?

Эббон умоляюще смотрел на аббата, а тот продолжил:

– Перебиты почти все священники монастыря. Монастырь ограблен. Забрали всё: серебряные кресты и золотые цепи, драгоценные кубки и даже позолоченные оклады икон.

Эббон, стоя на коленях, жалобно пробормотал:

– Освободи меня! Я узнал, где искать Рюрика.

Аббат холодно кивнул головой:

– Хорошо, потом расскажешь. Я сейчас принесу ключи, – и, не удержавшись, добавил: – И как такой дурень мог быть епископом Реймса?!

* * *

– Чего ты добился? – величественная фигура архиепископа Меца скалой возвышалась над сидящим Лотарём. – Лучший цвет франкского воинства закопан в землю. Тридцать тысяч убитых – это неслыханно! Это такое горе для всех, такое горе, что матью нашей духовной – Церковью был объявлен трехдневный пост по всей империи. К тому же теперь земля наша осталась беззащитной перед врагами.

– Как ты смеешь выговаривать мне? – вспылil Лотарь. – Мне – повелителю империи!

– Смею! – стукнул посохом архиепископ. – Ты забыл, что я твой дядя, и я теперь тебе вместо отца. Мне больно осознавать, что в ваших братских склоках гибнут наши воины.

– Иначе было нельзя! В империи должен быть порядок. Я не допущу своеволия правителей, пусть даже они будут моими братьями.

– С кем ты будешь наводить порядок, если от твоего войска остались жалкие крохи?

– Не всё ещё потеряно! В казне сохранилось золото, а если не хватит, то я распилю и переплавлю на монеты серебряный стол Карла Великого. Будут монеты – будет и войско!

– Слепец, жалкий слепец! Ты не видишь настоящих своих врагов. К тому же глухой! Ты совершенно не слышишь моих доводов.

– Какие доводы, если в империи раздразай! А главные зачинщики – мои братья. Понимаешь – братья! И это внуки Карла Великого, который создал её для своих потомков. Народ недоволен, недовольно духовенство, которое желает единой и сильной империи, которой бы боялись враги. Поэтому они поддерживают меня. Не их, а меня!..

– Ой ли?! Тогда скажи – откуда взялось воинство, которое разбило твоё войско? Всё-таки не все тебя поддерживают, что-то они хотят.

– Это было стечение обстоятельств. Со временем я всё верну на круги своя. Смотри, что мне пишет простой священник из лионской церкви: «Увы! Где она, та империя, которая объединяла верой чуждые друг другу народы и наложила на покорённых узду спасения?... Она утратила имя и честь. Вместо царя появились царьки, вместо царства – жалкие обломки...» Как я могу это игнорировать? Империя должна быть единой. Разве наши предки напрасно проливали кровь?

– Она будет единой, но сделать это непросто. Всё зависит от твоей воли.

– Но этому противятся мои братья!

– Чтобы добиться главного, нужно уметь уступать в малом.

– Уступать?.. – надменно воскликнул Лотарь. – Ради чего?

– Ради мира. Люди хотят мира. Не должны христиане убивать друг друга. Не для этого Церковь приводила к идеям христианства целые народы, чтобы потом они погибали в междоусобных битвах. К тому же управлять этими народами, как ты процитировал, находящимися в «узде христианства», гораздо легче, чем непокорными варварами. Церковь благословляет не братоубийственные войны, а те, в результате которых новые народы входят в её лоно.

Голос архиепископа усилился, и, казалось, что он проповедует не перед одним человеком, а перед целой толпой.

– На что империя тратит свои силы? На междоусобицу... Погибли тридцать тысяч воинов! Да с такой силой мы могли бы отбросить мавров далеко на юг, укротить непокорных норманнов и славян. Ты слышал, что князь Аскольд смог освободиться из заточения, перебил всю охрану в монастыре, в котором был заключён, и скрылся со своими воинами в землях ободритов?

– Князь Аскольд?..

– Это те, которых прислал со своим посольством император Феофил.

– Почему он оказался в заточении?

– Мы узнали, что он воевал вместе с Рюриком и помог ему уничтожить конунга данов.

– Рюрику?..

Лотарь встал и с задумчивым видом начал ходить по комнате, потирая лоб пальцами. Архиепископ, не спуская с него глаз, продолжал:

– Да, Рюрику. Мы пытались у Аскольда узнать всё об этом князе, но он, как и все варвары, строптив. Его даже не сломила дыба. Аскольд принимал мученья с такой небывалой стойкостью, что даже у палачей не раз возникала мысль – человек ли он? Такие люди опасны. Если они не станут подвластны нам, то они должны быть сметены с лица земли. Эти «люди с севера» должны знать своё место, иначе, расплодившись, они сомнут нас. Вот кто действительно является одним из злейших наших врагов!

Услышав это, Лотарь остановился, удивлённо взглянул на архиепископа и спросил с иронией:

– Одним из врагов?.. Значит, есть ещё? Я хочу знать: кто же это?

– Кто прислал со своим посольством к нам норманнов? Император Феофил. Кому служили до этого Аскольд и его воины? Ему же... Зачем он их прислал к нам? С какой целью?.. И это сделал властитель восточных христиан.

– Ты хочешь, чтобы я помог маврам уничтожить Византию? – всё так же с усмешкой спросил Лотарь.

– Не должно быть двух владык в христианском мире: патриарха в Константинополе и папы в Риме. Иначе христианский мир расколется, и христианин будет убивать христианина. Только единая Церковь во главе с папой должна властвовать над христианами. Я верю, что это произойдёт. И когда твёрдая рука франкского воина низвергнет властителя восточной державы, то тогда власть папы будет простираться на всех христиан, и между ними будет мир и согласие.

– Так, так, так... – всё с такой же усмешкой протянул Лотарь. – И только ради этого я должен уступить братьям?

Архиепископ Меца немного замаялся и, смутившись, согласился:

– В основном, да...

– Так на что же я должен согласиться?

– Не проливай понапрасну кровь франков, согласишься оставить братьям земли, на которые они претендуют. Пусть они там будут королями, а ты будешь императором над всеми ими.

– Императором над территориями, которые мне не будут подчиняться? – Лотарь уже вовсю издевательски улыбался архиепископу. – Буду ли я получать доход с этих территорий? Я думаю, что вряд ли. Будут ли они направлять воинскую силу мне на помощь против врагов? Да ни за что. Что же нас будет объединять кроме кровных уз?

Архиепископ поднял глаза вверх и торжественно произнёс:

– Вера в Спасителя нашего! Только духовные узы христианства и непогрешимость папы привнесут в этот мир спокойствие и согласие.

Улыбка пропала с лица Лотаря:

– Не бывать этому! Не для того мой дед Карл Великий разрушал королевства, чтобы на просторах его империи они опять возникли. Мне – потомку императоров, которые сами возводили на духовный престол пап, возвеличить его власть и самому вознести над собой!.. Империя должна быть едина, как и едина власть в ней!

Архиепископ помрачнел, концы его губ опустились, выражая недовольство, и он, с сожалением покачивая головой, тихо проговорил:

– Выбирая этот путь, ты действительно разрушаешь империю. Пройдут годы, а может десятилетия или столетия, прежде чем она опять возродится.

Тяжело постукивая посохом и не смотря на племянника, архиепископ покинул Лотаря, который крикнул ему вдогонку:

– Это ты стремишься разрушить то, что выстроил твой отец и мой дед!

* * *

– Запьянев, он кричал, что именно благодаря его доблести император Феофил был спасён от сарацин в битве на Дазимонской равнине. Ведь именно он и его воины вывели августейшего с поля битвы, и если бы не приказ отступить, то Феофоб ни за что бы не допустил захвата врагами родного города императора Амория⁴. Не было бы в нём резни, что учинили сарацины, и Феофил так бы не расстроился и был бы здоров, а не при смерти.

С окаменевшим лицом, чуть прикрыв веки, логофет Феоктист слушал силенциария⁵ Феофилика. Безбородое лицо евнуха не выражало никаких эмоций, пока докладывал соглядатай.

– Он хвастался своим могуществом и утверждал, что он – первый претендент на трон, так как женат на сестре Феофила. Когда он станет императором, Феофоб обязательно отомстит халифу Мутасиму за смерть патрикия Аэтия и его мучеников⁶, освободит южную Италию и Сицилию от сарацин и поможет Сербии уничтожить Болгарию.

⁴ Гибель родного города и поражение христиан подломили Феофила, и он заболел тяжёлой желудочной болезнью.

⁵ Один из служителей во дворце, обязанностью которых было поддержание покоя и порядка.

⁶ Храбрые начальники Амория во главе с патриkiem Аэтием после долгого плена были подвергнуты мучительной казни за верность христианству (42 Аморийских мученика).

– Опынев, все готовы сокрушить горы, – лицо логофета продолжало выражать полное безразличие. – Эти войны так опустошают казну.

Услышав замечание Феоктиста, силенциарий заторопился:

– Ещё он заявлял, что ни в коем случае не допустит до власти сына императора Михаила и его матери Феодоры. Михаил ещё мал, а его мать почитает иконы, что является кощунством. Всех, кто помогал Феофилу управлять империей, он обещал предать смерти.

– Всё? – равнодушно спросил логофет.

– Всё.

– Ступай!

Силенциарий попятился и, поклонившись, покинул помещение. После его ухода на лице логофета появилась озабоченность, и Феоктист задумчиво начал тереть пальцами лоб.

Феофилик стремительно шёл по залам и переходам дворца. Увидев брата жены императора Варду, он чуть ли не бегом бросился к нему.

– Ты всё рассказал логофету, как велел тебе я? – не смотря на Феофилика, строго спросил Варда.

– Всё, как и велел, но мне кажется, что логофет не придавал значения моему рассказу.

– Он знает, что ты мой дальний родственник?

– Не думаю... Какое ему дело до покорных слуг императора!

– «Покорный слуга»... – Усмехнулся Варда, – если осуществится то, что я задумал, то быть тебе палантином⁷, а может быть и выше!

– О-о-о! Светлейший!..

– Не льсти мне! Я ещё никто при дворе.

Раздался гулкий шум шагов, и Феофилик попятился и спрятался за колонной. Появился Феоктист и направился прямо к Варде:

– Я ищу тебя.

– Ты был у императора?

Логофет утвердительно кивнул головой, но вид у него был очень скорбный.

– Улучшений нет?..

Евнух вздохнул и развёл руками:

– Уже несколько дней его испражнения содержат кровь. Страшное может случиться со дня на день.

На лице Варды тоже появилась скорбь, и он перекрестился:

– Так что же нам делать?

– Выполнять распоряжения ещё здравствующего повелителя. Император чувствует приближение смерти, и поэтому он назначил опекунский совет своему сыну Михаилу. До его совершеннолетия всем будет управлять совет. Кроме жены августейшего в него войдут ещё три человека: я, магистр Мануил – дядя августы и ты.

– Я? – едва сдержал радость Варда.

– Да, ты... Император жалует тебе титул патрикия.

Смятение сладострастных чувств охватило Варду, но он сдержался, и только выступивший румянец на его щеках выдал его радость.

– А как отнёсся к этому патриарх Иоанн Грамматик?

– Был немного недоволен. Всё-таки Феодора сторонница почитания икон, но ему пришлось смириться с волей августейшего. Ещё император Феофил распорядился принести ему голову Феофоба. Это должен сделать ты!

– Феофоба? – сделал удивлённое лицо Варда.

⁷ Чиновник, служащий при дворе и императоре.

– Да, Феофоба. За ним стоит доблестная часть войска, а император не желает, чтобы кто-то мог препятствовать воцарению Михаила.

Варда согласительно кивнул головой:

– Хорошо, я возьму брата Петрону с его воинами и отнесу голову Феофоба повелителю.

– Поторопись! Император хочет увидеть её до своей смерти⁸.

Смотря вслед уходящему Феокисту, Варда, вздёрнув подбородок, горделиво сказал приближившемуся Феофилику:

– Ты будешь палантином, а может быть и выше, если всегда будешь выполнять то, что велю я.

Глава 5

(842-843 гг. от Р.Х.)

Через несколько месяцев после встречи с архиепископом Меца Лотарь получил известие, что его братья встретились и дали клятву поддерживать друг друга против старшего брата. Ещё через две недели архиепископ прислал ему копию клятвы Людовика:

«Из любви к Богу и ради спасения христианского народа и нас самих я с нынешнего дня, насколько Бог даст мне разумение и силу, буду поддерживать брата моего Карла во всем, как надлежит поддерживать брата, при условии, что он будет поступать точно так же. И никогда не вступлю ни в какое соглашение с Лотарем, которое с моего ведома направлялось бы против брата моего Карла».

Лотарь несколько раз перечитал послание, в сердцах бросил его на пол и в отчаянии заметался по комнате. Что делать – одна единственная мысль грызла его. Постепенно ярость его улеглась, мысли обрели стройность, и Лотарь, приняв решение, даже ехидно улыбнулся. С этой ехидной улыбкой он вызвал слугу и непререкаемым тоном приказал:

– Немедленно приведи ко мне графа Вьенского и герцога Сполето!

Слуга замялся:

– Герцога нет во дворце.

– Так пошлите за ним! – сбросив улыбку, раздражённо воскликнул Лотарь.

– Будет исполнено, – попятился к двери слуга.

Появившемуся графу Лотарь, приняв равнодушный вид, процедил, нехотя показав на валявшееся послание на полу:

– Смотри, Жерар, что задумали мои братья!

Граф Жерар Вьенский прочитал написанное и задумчиво произнёс:

– Они не успокоятся, пока не уничтожат нас. Мои воины, хотя нас и мало, готовы выступить сию минуту. Они хотят войны – они её получат.

Лотарь снисходительно улыбнулся и дружески обнял графа за плечи:

– Наоборот, мой друг, мы предложим им мир, к которому они так стремятся, и после которого они опять будут стремиться под наше крыло. Поэтому я хочу, чтобы ты отправился к архиепископу Меца и сообщил ему мои условия...

– К архиепископу?..

– Да, к нему. Именно он может повлиять на моих братьев, чтобы они согласились заключить мир. Итак, условия... Людовик требует себе земли к востоку от Рейна, а Карл хочет Нейстрию и Аквитанию. Я не против, но будет ли это честно? Я согласен разделить империю на три равные части, но как это сделать? Разве мы знаем, сколько в империи подданных? Я предлагаю, чтобы от каждого из нас по тридцать, а лучше по сорок вельмож определили это и разделили империю на три равные части. В каждой части должно быть равное количество графств и аббатств. За этим ты проследи особенно тщательно. Передай архиепископу, что я согласился,

⁸ Существует предание, что император Феофил умер, держась за мёртвую голову перса Феофоба.

чтобы мои братья стали королями подвластных им земель. И ещё, – Лотарь мечтательно заулыбался, – сообщи всем, что я дарю Фрисландию Карлу, и пусть эта весть станет известна не только архиепископу. Считай, что это моя прихоть.

– Понимаю, – кивнул головой граф Вьенский, – мы кидаем им кость, из-за которой они должны перегрызть глотки друг другу.

Лицо Лотаря вдруг стало жёстким, и его глаза превратились в узенькие щёлочки:

– Ты ничего не должен предполагать, а выполнять то, что велю я.

Граф молча склонил голову, а Лотарь, остывая, продолжил:

– Я знаю, что размолвка с братьями возникла не сама по себе. Это выгодно определённому кругу лиц, и эти лица подталкивают их к войне со мной. Ты догадываешься кто это?

– Архиепископ?.. Иначе мне не пришлось бы ехать к нему.

Лотарь поморщился:

– Это мелкая птица. Бери выше.

– Неужели?.. – округлил глаза граф.

– Да, это так. Пока мы успокоим их, подарив им мир, и выиграем время. Нужно подобрать своего человека на место папы. Он больше не должен нам мешать.

– А архиепископ?..

– Месть сладка, когда видишь мучения недруга. Займись его братьями Гуго и Рихбодом⁹. Пусть он живёт, зная об их участи¹⁰.

Ещё через четыре дня перед Лотарём предстал герцог Сполето. Император изобразил радушие:

– Я вижу, что ты не очень-то спешишь ко мне. При размеренной жизни в герцогстве кажется, что в мире всё так же спокойно и бесконфликтно. Эта беспечность способствует появлению лени. Мой друг Ламберт, не жалеешь, что покинул Пипина? Мне кажется, что герцогство Сполето не хуже, чем Нантское графство. Или я ошибаюсь?

Вместо ответа герцог благодарно улыбнулся.

– А если бы у тебя появилась возможность к своему титулу герцога Сполето добавить опять титул графа Нантского?

– О-о, государь! Но как это сделать? На графство наложил руку Ваш брат Карл.

– Это временно, мой друг, временно... Я вижу, что ты бы не отказался и от этих владений. Стать опять графом Нантским тебе может помочь твой друг Матфрид. Жаль, конечно, что он покинул меня, думая, что я забыл о нём. Отличный воин, каких мало, но что Всевышний не делает – всё к лучшему! Попроси Матфрида, чтобы он вместе с Рюриком помог вернуть твои бывшие владения, а затем как следует потрясите западные окраины земель моего брата Карла. Это сделает его более уступчивым в моём споре с ним.

– Государь, но как мне найти Матфрида? – развёл руками Ламберт. – Он же у Рюрика, а где Рюрик известно одному лишь Богу.

– Да, неспроста, таким как я, Всевышний дал власть над людьми, – довольно улыбнулся Лотарь. – Нужно просто поразмыслить и вспомнить: кого вместе с Рюриком крестил мой отец? Правильно, Харальда Клака. Теперь конунг, получив землю, дающую тучные урожаи, успокоился и не доставляет нам хлопот, но... – Лотарь поднял палец вверх. – Я уверен, что он не порывал связи с мятежным князем и знает как его найти. Отправляйся к конунгу и соблазни его возможностью поймать богатую добычу, захватив Нант. Я уверен, что после этого ты встретишься с Рюриком. А всё остальное будет зависеть от твоего красноречия. Опишешь, как богата земля Карла, – добьёшься своего.

* * *

⁹ Братья архиепископа Гуго и Рихбод, а также римский понтифик Григорий IV умерли в 844 году.

¹⁰ Архиепископ Меца умер в 855 году.

Почти год прошёл со дня смерти Феофила. В одной из палат необъятного императорского дворца логофет Феоктист и Мануил ожидали начала опекунского совета. Мать малолетнего императора Феодора и её брат Варда задерживались. Магистр Мануил долго перебрасывался ничего не значащими фразами с логофетом и, наконец, решился на откровенный с ним разговор:

– Меня беспокоит мой племянник.

– Который?.. – не выражая эмоций и полузакрыв глаза, уточнил Феоктист.

– Варда... Он стал очень опасен. В достижении своих целей он не знает границ. Власть испортила его. Для него не осталось ничего святого. Я получил жалобу от патриарха Иоанна Грамматика. Он сообщает, что Варда прислал к нему своих людей во главе с друнгарием виглы¹¹ Константином Армянином, чтобы патриарх или присоединился к иконопочитателям, или освободил патриарший престол. Иоанн не выбрал ни то, ни другое, и тогда они пытались силой заставить его отречься, нанеся ему множество порезов на животе. Как это возможно?! Поднять руку на духовную власть! Этак он может...

Феоктист устало вздохнул:

– Мне это известно. И меня это настораживает. Но что я могу сделать?

– Придумай что-нибудь! В твоих руках казна империи, а это немало. Ограничь его в средствах!

– Это не поможет: у него достаточно своего золота.

– А может...

Мануил оборвал фразу на полуслове, так как в палату стремительно вошла Феодора в сопровождении своего брата. Варда степенно шёл за своей сестрой, постукивая в такт шагам посохом, которым владел покойный Феофил. Мануил осуждающе посмотрел на племянника и многозначительно качнул головой Феоктисту, но тот лишь потупил глаза. Феодора, не успев занять место за столом, начала говорить. Её раздражённый тон не предвещал ничего хорошего:

– Больше нельзя терпеть эту ересь. Её нужно искоренить во что бы то ни стало!

Мануил согласно кивнул головой. Территория на востоке империи, населённая сторонниками одного из еретических течений христианства – павликианами, была большой головной болью императоров Византии. Они не желали подчиняться, вступали в военные союзы с мусульманами и вместе с ними нападали на византийские владения. Они подрывали устои христианской церкви, утверждая, что в Эдеме не было грехопадения, а было благо, которое являлось предпосылкой для последующего искупления. Павликиане не считали девой Богоматерь, отрицали крещение водой и причастие, осуждали почитание святых и икон, утверждая, что это идолопоклонство. Воззрения павликиан отвергали роскошь духовенства и церковную иерархию, они понимали равенство не только перед Богом, но и как социальное равенство, а это уже терпеть было никак нельзя.

– Я отправил в земли павликиан три армии и предложил им выбор: или они принимают истинную веру, или смерть. Но они упрямы в своей ереси и предпочитали смерть на кресте или от меча. Многих пришлось бросить в морскую пучину. Всё имущество казнённых поступило в казну императора, но это не сломило их.

– Значит, нужно отправить ещё войско, – развязно процедил Варда.

Мануил сурово взглянул на племянника:

– Ты забываешь, что у нас ещё война с болгарами, и мы пока там не достигли успехов.

– Просто нужно уметь правильно управлять войском.

Феоктист заинтересованно посмотрел на Варду, а Феодора продолжила:

¹¹ Чиновник, ведавший охраной дворца.

– Не ссорьтесь! Конечно, павликиан нужно раздавить, но я говорила об иконоборчестве. Пока на патриаршем престоле Иоанн Грамматик, множество христиан, почитающих иконы, ещё в заключении, а их нужно освободить.

– Сместить патриарха очень трудно, – озабоченно закивал головой Мануил. – Он разослал письма о своих ранах и обвиняет в этом нас. Что теперь делать?

– А, пустое! – беззаботно махнул рукой Варда. – Мы тоже разошлём всем письма о том, что Иоанн покушался на самоубийство, а это недостойно священнослужителя, и есть основание для лишения его патриаршего престола.

– Но кем заменить Грамматика? Я предложила патриаршество Михаилу Сингелу, но он отказался, сославшись на неспособность.

– А может... – начал Варда, но его перебил Феоктист:

– Я предлагаю Мефодия. Этот священник пострадал за свои убеждения, и я считаю, что он достоин занять патриарший престол.

Феодора задумчиво покивала головой, а затем подняла глаза:

– Стдания – это одно, а оправдает ли он наши чаяния и исполнит ли то, чего ожидаю я?

– Мы можем сейчас спросить его об этом – он уже ждёт за дверьми.

– Ты уже всё решил за нас, – с раздражением процедил Варда.

Феоктист сделал вид, что не заметил этого неудовольствия брата матери императора. Он невозмутимо поднялся из-за стола, вышел и привёл за собой благообразного священника, улыбающегося наивной детской улыбкой. Феодора чуть улыбнулась уголками губ – видимо она осталась довольна увиденным: то ли благообразным видом, то ли кротостью характера.

– Мы хотим назначить тебя на патриарший престол и хотим, – женщина надменно повела головой, – чтобы ты выполнил всё, что мы задумали. Ты должен выгнать со всех кафедр епископов-иконоборцев, чтобы Церковь восстановила свою красоту. И тогда наступит пора благочестия, и вновь службы станут совершаться непорочно.

Мефодий всё с той же улыбкой, соглашаясь, медленно кивнул головой.

– Но это ещё не всё. Я хочу, чтобы не произносились анафемы на моего покойного мужа, а также простились все его грехи.

– Но это невозможно, – Мефодий даже возражал, улыбаясь. – Церковь может прощать живых, покающихся в своих грехах, но не может простить человека, умершего в состоянии смертного греха.

Феодора, раздражённая неуступчивостью, как показалось ей вначале, мягкого с виду священника, повысила голос:

– Мой муж перед смертью раскаялся в грехах и поцеловал икону, которую я поднесла к его губам.

– Поверят ли в это остальные иерархи церкви?

Вдова императора, привыкшая ранее к беспрекословному подчинению подданных, растеряно повернулась к членам опекунского совета. Мануил и Феоктист молчали, и только Варда, всплеснув руками, с иронией произнёс:

– Так уж и ничего нельзя сделать, чтобы они поверили?

Он встал и, опираясь на посох Феофила и сбросив с лица иронию, приблизился к Мефодию:

– Есть тысяча способов сделать так, чтобы все в это поверили. Например, написать имена всех императоров-иконоборцев, в том числе и Феофила. Затем помолиться и после молитвы не найти его в этом списке. Я повторю – тысяча... И есть всего один способ не назначить тебя патриархом. Решай!..

Трудность выбора отразилась на лице Мефодия: согласиться на пост патриарха или остаться на принципиальных позициях церковных устоев? Если не согласиться, то разве не

может его постигнуть участь отлучённого патриарха? Хорошо ещё, что он остался жив¹². Будущий патриарх вздохнул и безучастно произнёс:

– Я выполню всё, что вы просите.

Отпустив Мефодия, Феодора благодарно посмотрела на Варду:

– Это благодаря тебе решилось всё лучшим образом.

Феоктист закивал головой:

– Да, я согласен. Ты, Варда, умеешь решать сложные вопросы. Я думаю, что ты сможешь решить и сложный вопрос с болгарам и переломить исход войны с ними в нашу пользу. Я согласен с тобой, что в войсках нужно навести порядок. Мы дадим тебе полномочия для этого.

Мануил с недоумением воззрился на Феоктиста, а у Варды хищно раздулись ноздри, и загорелись глаза:

– Вы даёте мне власть над войском?!

– Да, это так, – подтвердил Феоктист, и только чуть прищуренные глаза скрывали его усмешку, но Варда в предвкушении будущих возможностей этого не заметил.

«Порядка тысяч тридцати воинов в моих руках – это немало, это усиливает мою власть. Скоро я буду диктовать всем условия, а не Феоктист», – подумал он, но сказал совершенно другое:

– Болгары узнают мою тяжёлую руку, и именно я буду диктовать им условия мира.

Оставшись наедине с Феоктистом, Мануил чуть ли не с дрожью в голосе спросил:

– Ты осознаёшь, что ты сейчас натворил? Имея под рукой столько воинов, мой племянник может натворить всё что угодно! Его цинизм находится за гранью дозволенного. Ради власти он готов на всё.

– Для власть имущего – это неплохая черта, – Феоктист спокойно смотрел на Мануила. – Властитель, который не может удержать власть – не достоин этой власти. Ты боишься, что он сможет возвыситься над нами? Ему это не удастся. Посмотри на него! Во власти он видит только её внешнюю сторону: почести и возможность дополнительного обогащения. А власть – это ещё и ответственность, огромная ответственность за судьбы людей, над которыми ты возвысился. Не поняв этого, гибнут народы и исчезают целые страны. Ты увидишь – болгары сбьют с него спесь.

Догадывался ли Феоктист, что недооценка Варды со временем может привести к плачевным последствиям по крайней мере для него самого? Вряд ли. А пока вновь «избранный» патриарх Мефодий в первое воскресенье Великого поста 11 марта совершил всенощное песнопение в храме Всесвятой Богородицы во Влахернах, а утром вместе с Феодорой и её сыном в сопровождении митрополитов, архиепископов, игуменов, клириков и мирян направились в Великий храм Слова Божия¹³.

Маленький император Михаил, держась за руку матери, с восторгом смотрел на красочные одежды священнослужителей, на хоругви, которые они несли высоко над его головой, на горящие свечи и иконы в драгоценных окладах. Он слушал песнопения и считал, что именно для его улады собрали и эту толпу народа, и создали это праздничное настроение.

С тех пор в память об этом событии в первое воскресенье Великого поста каждый год Православная церковь празднует восстановление иконопочитания, и праздник этот называли «Торжество православия». В Византии после этого на монетах и печатях вновь начал появляться лик Христа, и начался разгул реакции, который дошёл до кощунства, не присущей христианам: останки императора Константина V без всякого почтения были выброшены на улицу,

¹² Иоанн Грамматик после отлучения был сослан в своё имение. Там он (по хронике Георгия Амастрола) на принесённых ему иконах выскоблил глаза, за что ему было нанесено ременными плетьюми 200 ран.

¹³ Храм св. Софии.

а его мраморный саркофаг распилили на тонкие плитки, которыми облицевали одну из комнат дворца. Но как говорится: не осуждай, и не осуждаем будешь.

Глава 6

(843-844 гг. от Р.Х.)

Река Луара, являясь естественной границей Аквитании и Нейстрии, из века в век неторопливо несла свои воды к морю-океану с востока на запад. На правом берегу романоязычная культура впитала в себя множество кельтского и германского, отчего сформировалось наречие, из которого затем развился старофранцузский язык. К югу влияние кельтов и германцев было не таким значительным, и поэтому там сформировалось наречие «лангедок», от которого произошли провансальский язык и каталанский язык на территории современной Испании. Различие в языках не мешало всем торговцам по реке доставлять свои товары до Нанта, Тура и даже до Орлеана. Гасконец Ангулен, выгодно распродав своё вино в Нанте, направил своё небольшое, но вместительное судно вниз по течению. Подняв косой парус, можно было плыть даже в море при боковом ветре. Ангулен торговал на нём вдоль всего побережья, начиная от Гаскони до Бретани. В жажде наживы ему приходилось плавать к маврам в Севилью и Лиссабон и даже в далёкую Африку.

Река была пустынна, и только изредка встречались плывущие навстречу ему похожие на его парусник суда торговцев и длинные быстроходные галеры, приводимые в движение большим количеством вёсел. Недалеко от устья реки Ангулену повстречались четыре судна незнакомой конструкции. У них, как и у галер, было множество вёсел, но суда существенно отличались пропорциями: длинные и узкие, с высоко поднятыми носом и кормой, они стремительно неслись против течения. Из-за их низких бортов на Ангулена хмуро смотрели гребцы, и лишь только один из них, стоявший на носу, снисходительно ухмыльнулся. Эту ухмылку чужеземца Ангулен понял позднее, когда навстречу ему выплыли больше двух десятков таких же длинных и узких судов, заполненных до тесноты воинами. Одно из них приблизилось к его паруснику, воины крючьями зацепились за борт и полезли толпой, обступив растерявшегося Ангулена со всех сторон. Он с обречённостью жертвы смотрел, как чужеземцы обшарили всё кругом, и безучастно вытерпел, когда они отобрали заработанное серебро и золото. Не найдя больше ценного кроме горсти монет, их предводитель со зловещей улыбкой вытащил из ножен меч и направился к хозяину судна, но его остановил окрик статного человека, до сих пор безучастно наблюдавшего за грабежом:

– Утомонись, Мирослав! Тебе бы только убивать!..

– Так нет больше ничего ценного, княже. Каков от него прок?

– Какого проку ты от него ждёшь? Не терпится тебе в злате купаться?

– Не я жажду, воины хотят, – Мирослав убрал в ножны меч. – Ты почему позволил Харальду первым в Нант войти? Теперь его воины все сливки снимут. Что нам достанется?

– И нам что-то перепадёт. Мало ли добра в этой стране! А Харальд... – Рюрик недобро прищурился. – Конунг Харальд Клак слишком долго нежился за спинами франков, наслаждаясь сытой жизнью. Его воины уже забыли запах крови. Пусть первыми испытают на себе крепость вражеских клинков.

– Нам бы поспешить, а то побьют его...

Рюрик строго взглянул на Мирослава:

– Успеем. Побить – не побьют, а спесь с него собьют. Он, видно, забыл, кто его вытащил из ямы данов. Слушается Лотаря, а этому Ламберту в рот прямо так и смотрит. А мне на них, – Рюрик смачно сплюнул, – и растереть... Жар нашими руками пытаются загребать. А нам своё надо... Погоди...

Князь приблизился к Ангулену:

– Ты где живёшь?

– Там... – Ангулен неопределённо махнул рукой в сторону полуденного солнца.
– Торговал в Нанте?

Ангулен не проронил ни слова в ответ и только мрачно глядел на Рюрика.

– Понятно, – усмехнулся князь и, повернувшись к Мирославу, приказал: – Верни ему заработанное.

– Но, княже...

– Я сказал – верни!

Ангулен недоверчиво забрал свои монеты и крепко прижал их к груди.

– Так, где ты ещё торговал? – Рюрик настойчиво продолжал выспрашивать.

– Бывал в Туре и Орлеане, что выше по течению, – разоткровенничался Ангулен. – Торговал в Бордо, плавал к маврам и даже южнее.

– Много золота в этих городах?

– Города богатые, но золота у мавров больше.

– Хочешь заработать раз в двадцать больше, чем наторговал в Нанте?

От неожиданного предложения у Ангулена забегали глаза, он судорожно слотнул слюну и только смог в знак согласия кивнуть головой. Рюрик одобрительно хлопнул его по плечу:

– Раз так, то поворачивай свою ладью вслед за нами. Там и решим куда дальше податься.

Недалеко от Нанта Харальд Клак дал приказание остальным драккарам отстать и только на одном подплыл к городу. Не спеша причалившись к берегу, конунг вместе с Ламбертом и шестью воинами неторопливо двинулся к охраняемым стражей воротам. Вокруг как обычно кипела жизнь: шли люди, скрипели колёсами возы, везущие товар, поднимали пыль своими копытами кони. Медленно бредущие вооружённые воины не вызвали подозрения у окружающих, озабоченных своими проблемами. По дороге конунг несколько раз оглядывался, и, разглядев показавшиеся остальные три драккара, повернулся к герцогу Сполето и властно произнёс:

– Пора...

Ламберт надменно взглянул на конунга и, презрительно хмыкнув, уверенным шагом пошёл первым. Стража, охраняющая ворота, увидев приближающихся воинов, выставила копья. Герцог бесстрашно шёл вперёд и остановился только тогда, когда острия копий чуть ли не уткнулись ему в грудь.

– Что за люди? – раздался с их стороны окрик.

Ламберт, не торопясь, снял шлем и мотнул головой, убирая длинные волосы с лица:

– Убери с моего пути своих воинов, Сигимар, если хочешь оставить их в живых! – герцог Сполето с еле заметной усмешкой уставился на начальника стражи.

– Граф?! – изумился Сигимар, чуть опустив копье.

– Да, я теперь снова граф Нанта.

– Разве король Карл дал на это согласие?..

– Зачем мне его согласие? Достаточно того, что этого хочу я и со своими воинами, – Ламберт кивнул в сторону сошедших с драккаров и спешащих ему на помощь воинов, – верну графство, которое принадлежит мне по праву.

Сигимар, разглядев бежавших к воротам воинов, во всю глотку заорал:

– К оружию!..

Ламберт отпрянул назад, выхватывая меч, а стоящий сзади конунг Харальд Клак взмахнул мечом, отменяя в сторону направленные в него копья. И началась страшная, безжалостная сеча, когда в своём остервенении, невзирая на получаемые раны, каждый из воинов стремился поразить противостоящего ему врага. Те из жителей, кто находился рядом, в панике бросились в разные стороны. Торговые корабли купцов спешно начали отчаливать от берега и отплывать вверх по течению. Подбежавшие воины конунга сломили сопротивление франков, вломилась в город, растекаясь по улицам и врываясь для грабежа в дома.

Паника, охватившая вначале город, начала угасать. Мужчины брались за оружие и начали вытеснять викингов. Харальд Клак укрепился в ближайших домах у ворот, удерживая их до прихода Рюрика. Всё изменилось с прибытием его войска. Князь, оценив существующую ситуацию, скептически скривил губы и повернулся к Мирославу:

– А ты боялся, что нам ничего не достанется.

Затем он нахмурил брови, выхватил меч и изо всех сил крикнул:

– Остромысл, Рагнар, Градмир, Травор, Синеус, ведите людей! Воины, город ваш!

Мирослав было дёрнулся за ними, но князь удержал его за плечо:

– Ты останешься со мной.

– А как же...

– На нашу долю добычи хватит. И не только здесь...

Толпа алчных до наживы воинов хлынула в город, смяла франков и растеклась по улицам, сея смерть. Не щадили никого: ни женщин, ни стариков, ни детей. При малейшей попытке оказать сопротивление и защитить своё добро захватчики, не задумываясь, вспарывали животы, перерезали горло или раскраивали череп. Трупы валялись на каждом шагу. Травор заскочил в одну из церквей и наткнулся на священника. Это был епископ Нанта. Увидев окровавленного воина, он начал креститься и выставил перед собой крест, пытаясь загородиться или образумить чужеземца. Крест был массивный, серебряный, украшенный драгоценными камнями. Это решило участь священника. Воевода князя взмахнул мечом, и епископ бездыханным рухнул на пол у самого престола. Травор забрал драгоценный крест, сдёрнул с шеи трупа золотую цепь и начал собирать серебряные сосуды и другую церковную утварь, прельстившись её блеском и красотой.

Вскоре всё было кончено: в городе почти не осталось жителей, а захватчики начали пировать у зажжённых костров. Проходя между ними, Травор вёл с собой полураздетых и растрёпанных двух девиц.

– Отдай их нам! – весело кричали опьяневшие воины, но тот лишь молчаливо отталкивал особо докучливых.

– Вот, княже, принимай! – пьяно улыбнувшись, Травор подтащил пленниц к костру, у которого сидел князь.

Рюрик скептически оглядел худосочных девок, их выступающие ключицы и рёбра и, скривившись, отмахнулся:

– Пользуйся сам, а ещё лучше – отпусти их. Зачем они тебе, кожа да кости...

– Других нет, а над мёртвыми уже вороны кружат.

– Пируете?

Пламя костра осветило шагнувшего из темноты Ламберта. За его спиной стояли Харальд и Рагнар.

– Время теряете, а нас ещё ждут города Тур и Орлеан. Хотите, чтобы там уже войско нас ждало?

– Синеус, – Рюрик повернул голову к Матфриду, – будет нас ждать там войско?

– Может, – согласился Матфрид, отбрасывая в сторону пустую бутылку из под вина. – Вверх по течению много судов отплыло, и о нас им уже известно.

– Тогда мы туда не поплывём, – князь внаглую улыбался, смотря на вельможу императора.

– Как не поплывём? – взбесился Ламберт. – Император Лотарь велел наказать своего брата Карла и разорить его города.

– Какое мне дело до их склок? – продолжал улыбаться князь. – На то, что велел твой Лотарь, мне наплевать. У меня свои цели.

– Рюрик, мы способны разбить любое войско, – довольно высокомерно заявил Харальд Клак. – Нас ждёт богатая добыча.

– Я тебя не держу. Можешь попробовать вместе с ним, – Рюрик сбросил улыбку и кивнул в сторону Ламберта, – завоевать Тур и Орлеан.

Харальд Клак от неожиданного ответа так сильно поджал губы, что его борода вздёрнулась вверх.

– Добычу мы можем взять и в другом месте, – продолжил князь. – Мало ли таких мест! Рагнар, ты со мной?

– Я бы не против, но я – воин конунга. Как решит он.

У Харальда задвигались желваки, но через несколько мгновений он согласно кивнул:

– Хорошо. Я поплыву с тобой.

– Вот и славно, – Рюрик склонился к Синеусу и тихо проговорил. – Сразу, как мы захватим и разорим Бордо, ты отправляйся к своему другу. Пусть он поможет тебе известить Карла о моём условии: пока он не возвратит мне Фрисландию, я буду разорять его королевство.

* * *

– Да, это опять я, – Матфрид стоял перед маркизом Бернаром Септиманским в его замке. – И опять с просьбой...

Маркиз приветливо улыбался:

– Тебе нужно укрыться?.. Двери моего дома всегда для тебя открыты.

– Прятаться я ни от кого не собираюсь. Мне нужна помощь в одном щекотливом деле, в котором помочь мне можешь только ты.

Бернар посерьёзней, но не изменил приветливого тона:

– Постараюсь помочь, если это не связано с императором Лотарём или с папой.

– Мне нужно встретиться с королём Карлом. Ты был наставником младшего сына покойного императора, и я предполагаю, что у тебя осталась возможность устроить эту встречу.

Маркиз насторожился:

– Тебе нужен сам король? Разве его приближённые не способны решить твою проблему?

– Это проблема не моя, и только сам король Карл должен услышать через мои уста слова человека, который послал меня.

– Тебе королю Карлу нужно просто передать слова?

– Да, это так.

– И чьё же послание ты собираешься озвучить?

– Князя Рюрика.

– Вот как! Ты всё-таки примкнул к этому разбойнику.

– Он разбойник не больше тех, кто в братоубийственной войне режут друг друга.

– Эти слова должен передать именно ты, или это можно сделать и мне?

– Это неважно. Согласится ли король на это предложение? Вот что главное!

Маркиз Септиманский с задумчивым видом прошёлся по комнате и опять остановился напротив Матфрида:

– Что же хочет Рюрик?

– Император Лотарь подарил Фрисландию своему брату. Князь Рюрик просит вернуть эту землю ему.

– Зачем королю Карлу соглашаться?..

Матфрид впервые улыбнулся:

– Иначе воины Карла на себе почувствуют крепость стальных клинков дружины князя.

– Это так всё серьёзно?

– Герцог Сполето к своему титулу добавил титул графа Нантского. Рюрик помог ему захватить город. Представляешь, Ламберт опять стал графом Нантским! Мне с трудом удалось уговорить князя не двигаться к Туру и Орлеану. Неделю назад князь взял на щит Бордо. Пока этим он только предупреждает короля. Будет лучше, если Карл примет предложение князя.

– Ламберт опять стал графом Нантским?! Занятно! Выходит, что за Рюриком стоит император Лотарь и руками князя пытается надавить на своего брата. Королю Карлу грозит опасность, и я сам должен предупредить его. Завтра поутру мы выезжаем в Париж.

Через две с половиной недели маркиз Септиманский предстал перед императрицей Юдифью. Перед ним стояла немного одутловатая женщина с множеством седых волос. Её рот потерял белизну и целостность зубов, и при разговоре и улыбке на месте потерянных зияла чернота. Только живые глаза напоминали о бывшей красавице.

– Я ждала тебя, – Юдифь с грустью смотрела на маркиза, – но ты так долго не появлялся здесь. Видимо ты был счастлив без меня.

– У меня родился сын. Ему скоро будет три года.

– Как его зовут?

– Я назвал его Бернаром¹⁴.

– Тоже Бернар... – вздохнула Юдифь. – Сын... А о другом сыне ты забыл?

– Я помню о нём всегда и о том, что у него есть мать, которая всегда рядом с ним, и она обережёт его от необдуманных поступков.

– Ты всё-таки вспоминал меня, – зарделась Юдифь и, не удержавшись, бросилась к маркизу и прижалась к его широкой груди. – Я так долго ждала тебя. Почему тебя не было рядом?

Бернар осторожно провёл ладонью по её волосам:

– Ты была так холодна со мной, что я не чувствовал, что я нужен тебе. Кто я для тебя? Всего лишь слуга императрицы. Ты была так недосыгаема для меня.

– Это не так. Для тебя я всего лишь женщина. Я так злилась на тебя, что ты этого не понимал. И теперь нет препятствий для нашей любви.

Юдифь потянулась к нему и припала губами к его губам.

– Что это значит? – раздался громкий возглас.

Юдифь обернулась. В комнате стоял Карл с разъярённым лицом.

– Как ты смеешь дотрагиваться до моей матери? Я велю казнить тебя. Эй, стража!

Юдифь повернулась к Карлу, загораживая собой маркиза, протянула к сыну руки и умоляюще простонала:

– погоди, не шуми. Ведь это твой отец.

– Какой отец?! Мой отец – император...

– Это твой настоящий отец...

Карл замотал головой, попятился к двери. Бернар вышел из-за спины Юдифи:

– Я прибыл, чтобы предупредить тебя, что не следует опрометчиво поступать с Рюриком...

Но Карл ничего не хотел слышать:

– Нет! Нет!

Вытянув вперёд руку и пытаясь как бы загородиться от маркиза, король выбежал из комнаты. Он стремглав промчался по коридорам дворца и вбежал в комнату, где находились дяди его матери: граф Понтье и Конрад Старый. В гневе от увиденного и услышанного Карл чуть ли не в бешенстве завопил:

– В покоях моей матери находится человек, которого я не хочу видеть живым. Убейте его, кем бы он ни был! Я хочу видеть его голову.

Ждал король недолго. Жуткий женский крик раздался за дверьми, а затем появились граф Понтье и Конрад Старый, который держал за волосы кровоточащую голову маркиза. Конрад бросил её со стуком к ногам короля. Следом на полусогнутых ногах с отчаянием на лице еле зашла императрица. Увидев голову Бернара у ног сына, она, покачиваясь от горя,

¹⁴ В 841 году родился Бернар Плантавело – сын Бернара Септиманского и внук Гильома Желонского.

упала перед ней на колени, осторожно взяла её в руки и осторожно поцеловала застылые губы и незрячие глаза. Затем Юдифь подняла глаза на сына:

– Как ты мог?! Ведь он твой отец!

Карл брезгливо сморщился и приказал графу Понтье:

– Отбери у неё эту мерзость!

Граф выхватил у матери Карла голову маркиза. Императрица со злобой взглянула на сына:

– Отцеубийца! Я тебя проклинаяю! Я проклинаяю и себя из-за того, что смогла вырастить человека, для которого нет ничего святого!

– Святого?.. Как ты можешь упоминать об этом? Ты, изменившая своему мужу?.. Я постригу тебя в монастырь и сгною там!

Юдифь тяжело вздохнула:

– На тебе кровь твоего отца, но тебе этого мало. Тебе нужна и моя кровь. Так прими её!

Мать короля выхватила кинжал, приставила остриё лезвия к сердцу и отрешённо упала грудью на пол.

Карл вздрогнул, увидев самоубийство матери, случившееся на его глазах.

– Уберите её! – визгливо закричал король, пятясь к выходу. – Если кто-либо узнает об этом, то вас ждет участь маркиза!

Уже оставшись один, Карл выдал на лице язвительную гримасу:

– Оставаться королём, считаясь сыном императора, лучше, чем сыном потаскухи и мужлана.

Глава 7

(844 г. от Р.Х.)

– Император занят. Надо ждать!

– Но я архиепископ Меца...

– Император занят. Надо ждать!

Перекрещенные копы стоявшей стражи по-прежнему загораживали вход в покои императора Лотаря.

– Я его дядя, – повысил голос архиепископ.

– Император занят. Надо ждать! – бесстрастно вторили воины.

Раздосадованный ожиданием архиепископ отошёл к окну, украшенному цветным византийским стеклом, и нервно сжал пальцы, на которых красовались золотые перстни с драгоценными камнями. Его терзала мысль: чем же занят император? А Лотарь принимал графа Жерара Вьенского и не скрывал своего восторга:

– Ты принёс мне ещё одну радостную весть. Я не хочу знать, как тебе это удалось, но если бы все мои подданные так исполняли мою волю!.. Мои враги уязвлены, а это уже неплохо. Я надеюсь, что они теперь поостерегутся вставлять мне палки в колёса.

– Государь, позволь полюбопытствовать? – граф Вьенский почтительно склонил голову. – Какая ещё новость, кроме как о смерти папы и братьев архиепископа, так обрадовала императора?

– Мне сообщили, что норманны здорово потрепали владения моего братца Карла. Я думаю, что ему придётся всё-таки обратиться за помощью ко мне, а я знаю, что ему выставить в ответ. Но это будет потом, а сейчас я хотел бы отблагодарить моего верного слугу.

Император подошёл к столу и взял два свернутых свитка, обвязанных шёлковыми шнурами с толстыми сургучными печатями на концах. Один из свитков он протянул графу Вьенскому:

– Я дарю тебе эти земли. Теперь ты ещё и граф Лионский.

– О-о, государь! – Жерар с почтением принял подарок императора.

– Кроме того, – продолжил Лотарь и протянул второй свиток, – я разрешаю получать тебе часть доходов с Прованса, которым ты будешь управлять.

– Щедрость императора не знает границ, – Жерар приложил к губам оба свитка.

– Ступай, друг мой, и помни: я щедр только с теми, кто способствует величию империи. Архиепископ ревностно проводил взглядом вышедшего от императора графа и стремительно прошёл мимо стражи, которая уже не остановила его.

– Ваше Высокопреосвященство, я уже слышал о несчастье.

Скорбь на лице Лотаря была так велика, что архиепископ поверил ему:

– Да смерть моих братьев Рихбода и Гуго была так неожиданна.

– Как?! – печаль на лице императора сменилось изумлением. – Мои дяди тоже умерли? Но мне сообщили только о смерти папы. Как это несвоевременно. Столько достойных претендентов... Я считаю, что следующим папой должен быть архидиакон Иоанн. А как считаешь ты?

– Это хороший выбор, – архиепископ Меца невозмутимо смотрел на императора.

– Этот папа будет способствовать укреплению империи. К тому же я собираюсь вскоре послать с войском в Рим моего сына Людовика, которого недавно я назначил королём Италии, – Лотарь гордо задрал подбородок. – Все должны считаться с моей волей.

После этого император замолчал и пристально смотрел на гостя. Молчание было тягостным, и архиепископ решил нарушить его:

– Ради этого я и прибыл. Я хочу известить моего императора, – архиепископ особенно выделил слово «моего», – что язычники очень докучают империи. Ободриты совершенно забыли, что являются нашими вассалами. Они укрыли у себя бежавшего из наших застенков князя Аскольда, который причинил очень много горя франкам. Король Людовик должен наказать ободритов, окрестить их и окончательно подчинить нам.

– Князь Аскольд? – округлил глаза Лотарь. – Что-то знакомое...

– Это тот, кого прислал со своим посольством покойный император Феофил.

– Та-ак! – было заметно, что Лотарь заинтересовался предложением архиепископа. – А хватит ли решимости у моего брата воевать с этими ободритами? А там ещё рюане, лютичи...

– Всему своё время... Лютичи – враги ободритов, а князь рюан Яромир успокоился и стал не таким воинственным. Чтобы у короля Людовика не было сомнений, нужно пообещать ему, что земли ободритов будут его, и никто не позарится на них. Кроме того, желательно, чтобы земли рюан отдали какому-нибудь монастырю, священники которого приводили бы язычников к истинной вере.

– Почему рюан?

– На этих землях стоит их главный языческий храм, которым поклоняются все славяне с окрестных земель одному из своих богов Святовиту. Мы должны на его месте построить свой храм и назвать его, чтобы искоренить из памяти славян это имя, например, храмом Святого Витта.

– Что ж, – император улыбался и довольно потирал ладони, – я подготовлю нужные грамоты. Ради достижения этой цели мой брат должен обладать достаточными средствами. Я подумаю и может быть передам Людовику Фрисландию.

Оставшись один, император не сдержал радости:

– Мой брат Людовик вслед за Карлом попадёт в ловушку. Они все забыли, что Рюрик из ободритского княжеского рода и не останется в стороне. После чего и Карл, и Людовик приползут ко мне за помощью и фактически признают мою власть.

Архиепископ же вернулся к себе очень озабоченным и сразу вызвал аббата Гутбальда:

– Император хочет сделать папой послушного ему человека. Срочно отправь послание в Рим Агобарду. Пусть он примет все меры, чтобы немедленно избрали угодного Церкви папу. Вскоре император с войском направит в Рим своего старшего сына, который очень тщеславен.

Пусть новый папа прилюдно коронуется¹⁵. А ты в скором времени отправишься к королю Людовику и заставишь его наказывать ободритов.

* * *

Людовику всю ночь снились кошмары, и он проснулся в отвратительном настроении. Этому была одна причина: король как мог откладывал встречу с посланником брата. Хотя номинально Лотарь не имел права вмешиваться в дела королевства Людовика, но часто пренебрегал этим и, желая напомнить о своём статусе императора, довольно часто присылал ничёмные указания, которые Людовик большей частью игнорировал. В этот раз брат прислал с посланием не простого вельможу, а аббата. Это короля смущало и отчасти настораживало. Но как говорится: сколько верёвочки не виться... И вот в этот день Людовик решил наконец встретиться с аббатом Гунтбальдом.

При встрече со священником король выдавил на лице доброжелательную улыбку:

– Святой отец, с какой просьбой послал тебя ко мне мой брат?

Аббат Гунтбальд, перебирая свои жемчужные чётки, умиротворённо и певуче начал говорить:

– Император просит посодействовать тому, о чём я сейчас буду просить. Но эта просьба исходит даже не от него, а от архиепископа Меца. Вначале архиепископ обратился к императору, но тот решил, что это может решить только его брат, – в этот момент аббат почтительно склонил голову, – так как только король Людовик может принимать меры на своих землях и на землях своих вассалов.

Король облегчённо вздохнул: наконец-то его старший брат стал признавать его равным себе.

– Так чем я могу помочь моему дяде? – заинтересовался Людовик.

– Несколько лет назад нам удалось схватить воинов одного северного народа вместе с их князем Аскольдом, который был близок к Рюрику и помогал ему в его разбойничьих набегах. Этим разбойникам удалось убежать, перебив многих наших воинов и отцов церкви. Я надеюсь, что перед этими погибшими мучениками распротёрлись врата рая.

– Казнить их сразу нужно было! Казнить!.. – сурово закричал король.

– Так вот, – невозмутимо продолжил аббат, – нам стало известно, что князь Аскольд скрывается сейчас у ободритов, которые, являясь вассалами короля Людовика, должны выдать этого Аскольда. В этом и заключается просьба архиепископа.

Король скривился: просто так ободриты его не выдадут, а воевать с ними после того, как погибло столько воинов в войне с Лотарём, – ещё больше обессилить королевство. Ободриты – воинственный народ, и не раз франки были биты ими. Людовик вспомнил, как неудачно закончился его поход против них, когда совсем ещё молодой Рюрик разбил его войско.

Аббат Гунтбальд заметил сомнение короля, подошёл ближе и вкрадчиво промолвил:

– В евангелие от Матвея приведены слова самого Иисуса: «Он же сказал в ответ: нехорошо отнимать хлеб у детей и бросать псам». Смысл этой фразы означает, что нельзя давать язычникам то, что можешь дать единоверцу. Они творят зло. Непротивление злу – ещё большее зло. Нельзя оставить язычников в безнаказанности. Именно на тебя возложена Церковью миссия о приведении этих заблудших в лоно истинной веры!

– Ободритов поддерживает князь Яромир со своими рюянами...

Аббат потерял самообладание и повысил голос:

– Этих потомков вендов и вандалов нужно раздавить как вошь. Не будет нам спокойствия, если они будут жить рядом с нами. Всех мужчин, способных носить оружие, нужно уничтожить, а их женщин сделать нашими рабынями. Со временем их дети забудут о своих корнях, и мы их пошлём на восток завоёвывать для нас новые земли с новыми подданными.

¹⁵ Папа Сергий II короновал сына императора Людовика королём лангобардов.

Гунтбальд взял себя в руки, утихомирил свой гнев и опять вкрадчиво продолжил:

– Церковь уверена в силе и способностях короля Людовика в достижении этой цели, и в подтверждении этого император Лотарь рассматривает передачу ему Фрисландии, а также он подписал грамоту, дарующую земли руян Корвейскому монастырю.

Король немигающим взглядом уставился на аббата:

– Ты хочешь сказать, что мой брат Лотарь признаёт эти земли моими и в будущем не будет просить с них долю от дани?

Гунтбальд с ласковой улыбкой в знак подтверждения слов Людовика согласительно кивнул головой.

Король стремительно вскочил с трона:

– Хорошо, я приведу к покорности этих ободритов и схвачу этого Аскольда. К тому же я не забыл, как они отказали мне в помощи при противостоянии с моим братом Лотарём. Затем я заставлю их воевать с руянами и их кровью завоюю и присоединю к себе новые земли.

* * *

Испепеляющий зной солнца при совершенном отсутствии ветра удручающе давил на людей, которые еле поднимали и опускали вёсла. От этой жары у всех пересохло во рту, потрескались губы, нестерпимо хотелось пить, но воды не было. От этой невыносимой жажды почти каждый гребец то и дело оглядывался через плечо, всматриваясь в так медленно приближающийся берег. Все надеялись, что там они найдут вожделенную влагу, но перегруженные ценной добычей ладьи и драккары Рюрика и Харальда Клака еле двигались, с боку на бок покачиваясь на небольших волнах.

Князь взглянул на Ангулена и хриплым голосом от сухости во рту спросил:

– Ты точно уверен, что там есть вода?

На обветренном лице появилось что-то, смутно напоминающее улыбку:

– Там течёт полноводная река. По ней можно добраться до города мавров Ишбиля¹⁶. Я там бывал.

– Если всё окажется так, как ты говоришь, то ты получишь ещё столько же, как я обещал, а так же стоимость новой ладьи, взамен твоей, что утопла, разбившись о камни.

Ангулен не обманул, и все, как только оказались на берегу, бросились утолять жажду, черпая из реки мутную тёплую воду. Жара угнетала. Даже окунувшись в реку, князь не смог унять последствия зноя. И как только здесь живут люди?! Рюрик, спасаясь от этого пекла, доковылял до ближайшего дерева и в его тени рухнул на заскорузлую от жары траву. В наслаждении от небольшой прохлады он прикрыл глаза, но погрузиться в дрему ему не дал хруст шагов подошедших людей. Князь открыл глаза. Рядом с ним на выгоревшую траву присаживались Харальд Клак и Градомир. Следом к ним присоединился и Мирослав.

– Не время отдыхать, Рюрик. Ангулен рассказал, что выше по течению находится беззащитный город. Местные правители, опасаясь неповиновения жителей, не стали возводить стены для его защиты. Такой лакомый кусок жаль упускать. Поднимай своих воинов, и выступаем.

Конунг встал, но Рюрик не пошевелился. Как он смеет ему приказывать? С первых дней их совместного похода он был несносен, навязывая всем своё мнение и показывая, что он ни от кого не зависим. Забыл, кто его вытащил из ямы данов? Князь перевёл взгляд на Градомира:

– Ладьи твоих людей переполнены. Куда ты собираешься складывать добычу?

– Выкину из ладей что-нибудь менее ценное.

– Ну что ж, – вздохнул Рюрик, – если вам так неймётся, то идите одни в Ишбилю. Я не пойду. Мои воины устали.

– Ты знал об этом городе? – встрепенулся конунг.

¹⁶ Современный город Севилья.

– Только дам вам совет, – продолжил князь, не обратив внимания на вопрос Харальда. – Разгрузите свои ладьи и драккары и идите в город налегке, а добро своё оставьте здесь под охраной.

– Мне не хватит воинов, – конунг уже со злобой смотрел на князя.

Рюрик неопределённо пожал плечами:

– Это твоё решение.

Харальд шумно задышал, а затем успокоился и сказал, убрав категоричность в тоне:

– У нас не осталось еды, Рюрик. Мы можем там её найти.

Князь смахнул ладонью пот со лба и вздохнул:

– Хорошо. С вами пойдут воины Остромысла. Мирослав, предупреди его.

Добившись своего, конунг презрительно, на взгляд князя, ухмыльнулся и ушёл вслед за Мирославом. Князь проводил его настороженным взглядом, а затем равнодушно поинтересовался:

– Градомир, ты доволен, что пошёл со мной?

– Ещё бы... После этого похода появится много желающих отправиться с тобой вновь.

– Со мной или с конунгом?..

– С тобой, княже... – растерялся Градомир.

Рюрик резко привстал и, зло прищутив глаза, зашипел:

– Так что же ты хвостом вьёшься вокруг конунга? Забыл, кому в ноги кланялся, чтобы тебя в поход взяли? За моей спиной всё решаешь... Кому служишь: мне или Харальду?

– Тебе, княже, тебе... – вконец перепугался купец.

Князь опять откинулся на спину:

– А раз мне... Зря в сражение не вступай – береги людей. Воины мне ещё пригодятся. В последующих походах со мной не меньше добра нахватаешь. Главное – еды достань. Если в граде не найдёте, то в округе ищите. Иди! Отдохнуть хочу.

Через день в городе Ишбилья началась паника. Везде раздавались крики:

– Маджусы пришли! Маджусы пришли!

Жители на скорую руку хватали самое ценное, брали детей, жён, стариков, скот и в испуге выбирались из города. Навстречу непривычным глазу кораблям выдвинулись из города немногочисленное войско, но более крепкие и высокие чужеземцы, сошедшие на берег, вмиг обратили всех в бегство, что привело ещё к большей панике. Они настигали бежавших воинов, разили их мечами или такими же, как и они сами, огромными топорами, брали в плен, врывались в брошенные дома в поисках ценной добычи и еды.

Раздосадованный Харальд Клак со злобой смотрел на разоряемый город, так как ожидаемой добычи не предвиделось. Даже их храмы с месяцами на вершинах куполов были не так богаты, как у франков. Тот немногочисленный полон, что захватили, вряд ли имел большую ценность. Противник не представлял опасности – справились бы и сами. Не надо было просить воинов у Рюрика. С нескрываемым раздражением конунг приказал невозмутимо стоящему рядом Рагнару:

– Город сжечь! Начинайте с этой церкви.

– Чему здесь гореть? Камни ведь...

Бешенство овладело конунгом. Не скрывая ярости, он заорал:

– Крыши деревянные... Я сказал – спалить всё! – а затем тише, с саркастической улыбкой добавил: – Мы уйдём из города, но через день, как он сгорит, жители в него вернуться. Они обязательно вернуться, и тогда неожиданно нагрянем и мы. Я уверен, что соберём немалую добычу.

Викинги и славяне рассыпались по городу, поджигая всё, что лишь только можно. В мечети с десятков воинов разожгли костёр и начали нагревать наконечники стрел до красноты. Затем они пускали стрелы в свод мечети. Место вокруг стрелы начинало тлеть, стрела падала,

и горение прекращалось¹⁷. Недовольные неудачей, воины начали бросать в костёр дрова, чтобы огонь доставал до купола, но заполонивший помещение дым разъедал глаза, вызывал удушающий кашель, и воинам пришлось бросить затею и покинуть мечеть.

Через пять дней Рюрику, утолявшему голод запечённой в углях рыбой, радостный Мирослав принёс весть:

– Княже, воины наши вернулись.

– Много добычи взяли?

– Того не ведаю. Только что к берегу их ладьи пристали.

Князь неспешно облизал пальцы и так же неспешно встал:

– Ну что ж, поглядим на них.

В толпе заполонивших берег воинов Рюрик разглядел хмурых и озабоченных Остромысла, Травора, Градомира и Рагнара, торопливо направлявшихся в его сторону.

– Не радостные их лица, – ухмыльнулся князь, толкнув локтем в бок Мирослава, – видно, что не довольны добычей.

– Конунга я не вижу, – всматриваясь из-под ладони, заметил Мирослав.

– Ему хвалиться нечем, – всё так же иронизируя, промолвил Рюрик. – Вместо себя Рагнара послал.

Князь ошибался. Первым из приблизившихся начал говорить Остромысл:

– Уходить надо, княже. Войско мавров приближается.

– Подойдёт – сразимся, – беспечно ответил Рюрик. – Воины Травора, Мирослава и Синуса при мне, а это основные наши силы. Да вы ещё с Харальдом...

– Нет больше конунга, – прервал князя Градомир. – Погиб он.

– Как это случилось? – вмиг посерьёзней Рюрик.

Градомир начал угрюмо рассказывать:

– Жителей в граде почти не оказалось. Полон был мал. Харальд приказал город сжечь и затаиться недалеко от него. Он надеялся, что после окончания пожара люди будут возвращаться на пепелище, а тут мы бы и нагрянули. И полон захватили бы, и добычу... Да вместо жителей к городу войско мавров подошло. Напали на нас. Воины они плохие – погнали мы их. Но потом в нас полетели камни величиной с голову и стрелы, которые были чуть меньше копья. Отрезали нас мавры этим от конунга.

– Слышал я об этих камнемётах и стреломётах будучи ещё мальчонкой. Рассказывал мне о них князь Яромир, – закивал головой Рюрик. – Много погибло?

– В основном из дружины конунга... Харальда Клака на наших глазах повесили.

– Повесили?! – раздул ноздри князь. – Испугать захотели? А вы?..

– Харальду уже было не помочь. Мы решили отходить, – пояснил Рагнар.

– Обожглись?! – взъярился Рюрик. – Добыча, видите ли, им мала! А чего вы хотели?!

После разграбления нами Лиссабона, мавры ожидали всего. Только поэтому я повёл вас далеко на юг – туда, где нас никто не ждал.

– Чего же ты, княже, раньше молчал? – попытался успокоить князя Остромысл. – Воинов моих с конунгом послал.

– Послал, чтобы зазря не погиб никто. Видишь – не получилось. А кто бы меня послушал? Как же!.. Для Харальда слово императора франков важнее! Он ему землю богатую выделил! Богатство да добыча ему глаза застилала. Забыл он всё хорошее... Сгнил бы давно в яме у данов. Ладно, к чему теперь об этом! Не замечал он того, что кончились у франков и их прихвостней-саксов сила. Истощила. Теперь сила в наших руках. Было бы иначе, не обраща-

¹⁷ В арабских источниках указывается, что на сводах мечети в Севилье многие десятилетия оставались тёмные пятна от стрел.

лись бы к нам за помощью. От бессилия они это делают. Погодите – заставлю я их считаться с нашей волей.

– Князь, время теряем – уходить надо, – подал голос Градомир.

– Уходить? Все так считают?

Рюрик начал обводить всех взглядом.

– Я считаю, что нужно напасть на мавров, – подал голос Мирослав.

– Как скажешь, княже, – промолвил Остромысл. – Скажешь напасть – нападём, скажешь уходить – погрузимся в ладьи и уплывём.

Рагнар молчал, потупив взгляд в землю.

– Что скажешь, Рагнар? – не выдержал князь.

– Конунга похоронить надо достойно, – отозвался Рагнар. – Воины его чтити.

– Остромысл, – Рюрик взглянул на боярина, – возьми с собой Ангулена и направляйтесь к маврам. Он знает их язык. Договоритесь с ними, чтобы отстали от нас. Мы сами уйдём. Мы готовы вернуть им полон в обмен на тело Харальда и еду. Иначе – им смерть!..

– Согласится ли Ангулен?..

– Пообещай ему ещё половину доли конунга от добычи.

Ещё через три дня тело Харальда Клака положили на брёвна и хворост, всклень нагруженных в драккар. Рагнар бросил горящий факел в кучу хвороста и вместе с другими воинами оттолкнул судно от берега. Драккар, слегка покачиваясь на волнах, медленно отплыл от берега. Так же медленно разгорался огонь, пожирающий хворост. Едва драккар отплыл шагов на пятьдесят от берега, множество горящих стрел усыпали его. Воины молча смотрели, как разгорается огонь, и как только белесо-серый дым сменился на чёрный от просмоленной обшивки драккара, они оживились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.